

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

А. ЯРОСЛАВЦЕВ

Военная боевая фантастика

Александр Ярославцев

Испытание на прочность

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Ярославцев А.

Испытание на прочность / А. Ярославцев — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-145604-7

Несмотря на все старания графа Ардатова, англо-французская армада достигла берегов Крыма и осадила Севастополь. Вместе с адмиралом Нахимовым личному посланнику государя пришлось пройти сложное испытание, главная задача которого состояла в том, чтобы разгромить врага и сделать Черное море Русским.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145604-7

© Ярославцев А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава I. В тиши имперских кабинетов	6
Глава II. Кабинетные решения	19
Глава III. Испытание на прочность	32
Глава IV. На суше и на море	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Ярославцев

Испытание на прочность

© А. Ярославцев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Глава I. В тиши имперских кабинетов

Пользуясь правом доклада королю в любое время дня и ночи, министр-президент Пруссии Отто фон Бисмарк почти ежедневно посещал кабинет монарха. При этом он не испытывал никакого желания покрасоваться своим новым положением перед чопорными придворными. Прагматик до мозга костей, фон Бисмарк был совершенно далек от столь глупых и пустых человеческих страстишек. Главной и единственной целью его жизни было беззаветное служение великой идее объединения всех германских земель под эгидой Пруссии. И так совпало, что та же идея пришлась глубоко по сердцу новому прусскому королю Вильгельму, недавно сменившему своего почившего брата Фридриха Вильгельма.

«Правитель всегда должен крепко держать власть в своих руках, иначе он рискует ее потерять», – гласило наставление Фридриха Великого своим потомкам. И правдивость слов великого монарха доказала вся последующая история прусского королевства.

Король Фридрих Вильгельм был пылкой и легко увлекающейся натурой, которая не находила удовлетворения в спокойном и размеренном течении государственных дел. Наследовав трон, он постоянно жил в каком-то внутреннем возбужденном состоянии, искавшем внешнего выхода. Попав под влияние своих придворных, король энергично брался за реализацию сверхважного проекта, который должен был прославить имя прусского монарха, однако проходило какое-то время, и Фридрих бросал первый проект ради другого, более грандиозного и заманчивого. Логичным результатом подобного образа правления стало возникновение анархии и путаницы в королевском аппарате, породивших революционные брожения в стране. Почувствовав слабость королевской власти, буржуа и депутаты ландтага немедленно потребовали провозглашения конституции, которая серьезно ослабляла силу монарха.

Будучи напуган всплеском революционных волнений и боясь их дальнейшего разрастания, король был вынужден пойти на некоторые конституционные уступки, однако этим он только еще больше раззадорил аппетиты революционеров. Одержав одну победу, они стали говорить о необходимости проведения более глубоких политических реформ в Пруссии, итогом которых было бы полное устранение монархии и провозглашение парламентской республики.

Очень многие из депутатов прусского ландтага хотели видеть свою страну республикой. Многие, но только не Отто фон Бисмарк. За то время, которое он провел на заседаниях Германского союза, в его душе созрело твердое убеждение, что только железная рука могучего правителя способна преобразовать разномастные германские государства в одну могучую державу.

Твердая воля, подкрепленная острыми штыками, может заставить этих говорливых болтунов забыть о сиюминутной выгоде и пожертвовать ею ради общего блага единой и неделимой Германии. И именно таким правителем, по мнению Бисмарка, был прусский король Вильгельм, унаследовавший власть после скоропостижной смерти брата от сильного психического припадка.

Новый правитель не был выдающейся личностью, не обладал пылкой фантазией и подкупающими манерами своего предшественника. Вильгельма не готовили к вступлению на прусский трон, и он получил чисто военное воспитание, что наложило сильный отпечаток на его манеру общения с людьми. Из-за этого для многих своих приближенных он стал олицетворением образа бравого прусского капрала, что было не очень далеко от истины. Однако при этих недостатках король обладал большой усидчивостью, твердой волей, упорством в дости-

жении своих целей, а также способностью угадывать таланты окружавших его людей. Ему было достаточно только одной беседы с сорокалетним Бисмарком, чтобы сразу разглядеть в нем недюжинный политический ум, готовый к проведению больших государственных преобразований. Почувствовав в Бисмарке родную душу, которой дороги ценности старой Пруссии, король рискнул доверить ему бразды правления государством в столь непростое для страны время и не ошибся. Первым шагом, который сделал Бисмарк за первые недели своего пребывания на посту министр-президента, было внесение законопроекта, предполагавшего проведение кардинальных изменений в прусской армии.

Следует сказать, что армия для короля Вильгельма была главным смыслом жизни. Ею он дышал, ее он боготворил и ради нее был готов пойти на любые жертвы. Однако при столь пылкой и самозабвенной любви к армии новый монарх имел трезвую голову и холодный рассудок.

Вопреки обычному мнению об обязательной прусской муштре, любовь короля Вильгельма к собственной армии простиралась гораздо дальше привычных парадных маршей и показательных разводов караулов. Все это проводилось исключительно в угоду досточтимой публике и иностранным наблюдателям. Сам Вильгельм видел в армии тот универсальный инструмент, с помощью которого он намеревался шагнуть гораздо дальше, чем его предшественники – все вместе взятые.

Еще будучи главнокомандующим прусской армии при правлении брата, Вильгельм уделял главное внимание военным маневрам, стремясь сделать из своих солдат и офицеров таких воинов, которые четко и быстро исполняли любой приказ своего командира. Ему нужна была первоклассная армия, стальные штыки которой позволили бы не только на равных говорить с австрийским императором, но и, если это понадобится, нанести ему поражение.

Австрийская империя всегда была непреодолимой преградой на пути к созданию единого немецкого государства. Существование Священной Римской империи, состоявшей из множества разрозненных мелких германских территорий, королевств и княжеств, было крайне выгодно венскому двору, всегда имевшему в парламенте этого аморфного государства решающий голос.

Для действенного противостояния мощному влиянию Габсбургов внутри Германского союза не только словом, но и делом прусскому правителю была нужна армия нового образца, и именно реформу по ее созданию предлагал Бисмарк королю Вильгельму. Согласно плану канцлера предполагалось распустить прусское ополчение ландвер, чьи боевые качества были очень низки и совершенно не годились для проведения наступательной войны. Вместе с этим Бисмарк предусматривал увеличение числа линейных полков вдвое, а срока действительной военной службы с двух лет до трех. Для покрытия издержек на военную реформу премьер предложил повысить налоги на 25 % и обложить податью дворянские земли.

Вильгельм с радостью поддержал столь близкое его сердцу предложение, но оно сразу встретило ожесточенное сопротивление прусского ландтага, большинством голосов в котором располагала партия прогрессистов. Они отвергали саму идею реорганизации прусской армии до проведения политических реформ, превращающих Пруссию в парламентское государство. Когда военный министр фон Роон только приступил к первичной консультации с парламентариями, прогрессисты сразу объявили, что будут настаивать на том, чтобы значительно урезать ассигнования на армию.

Никакие уговоры и тайное давление на депутатов ландтага не могли помочь Вильгельму сдвинуть дело с мертвой точки. Чувствуя шаткость позиций нового короля, парламентарии стояли насмерть, не боясь идти на открытый разрыв с правительством. Действия непокорных либералов получили широкую поддержку среди гимназической молодежи и рабочих, которые, помня революционные события 1848 года, стали активно вступать в стрелковые союзы, намереваясь с винтовкой на плече отстаивать свои демократические идеалы.

Для достижения своих целей Вильгельму требовалось применить силу, что было очень рискованным шагом. Парламент мог напрямую обратиться к народу за поддержкой, и тогда революционный кошмар с вооруженным противостоянием власти и народа мог вновь вернуться на берлинские улицы с совершенно непредсказуемым для Вильгельма итогом.

Не нужно было быть провидцем, чтобы предсказать обязательное вмешательство венского императорского двора во внутригерманские дела на вполне законных правах. Австрийский кабинет давно вынашивал план об отторжении от прусского королевства Берлина и рейнских земель, что автоматически исключало пруссаков из состава Священной Римской империи.

Однажды уже испытав унижение во время бегства от разъяренной революционной толпы берлинцев, Вильгельм не хотел вновь оказаться в Лондоне в качестве политического изгнанника. Сейчас он был в положении стрелка, имеющего право только на один выстрел, и он должен был попасть точно в цель.

Прусский правитель не был трусом и был готов вступить в борьбу с парламентом до конца, но для достижения успеха ему как воздух была нужна поддержка сильного союзника со стороны, который в случае необходимости мог бы охладить воинственный пыл австрийцев вмешиваясь во внутренние дела соседа.

Ни одно из соседних государств не было заинтересовано в усилении Пруссии, но недавно возникшая война объединенной Европы против России буквально подталкивала Берлин и Петербург в объятия друг к другу. По крайней мере, так уверял Бисмарк своего монарха после тайной встречи с Горчаковым, специальным посланником императора Николая. Со стороны русского императора, внешняя политика которого долгое время была обращена исключительно в сторону Вены, это был совершенно неожиданный шаг.

Как опытный политик, Бисмарк вначале с большой осторожностью отнесся к инициативе Александра Горчакова навести мосты дружбы между двумя странами, справедливо подозревая какой-то тайный дипломатический ход со стороны канцлера Нессельроде, ярого сторонника дружбы с австрийцами. Однако уже после первых встреч с Александром Михайловичем он быстро убедился в серьезности намерений русской стороны, и переговорный процесс начался.

Горчаков был опытным дипломатом и не спешил открывать все свои карты перед пронырливым пруссаком. Любезно общаясь с Бисмарком за чашкой кофе, он, подобно опытному фехтовальщику, неспешными и осторожными выпадами прощупывал позицию своего партнера по тому или иному вопросу. Бисмарк также не оставался в долгу, пытаясь всесторонне выяснить, как далеко готов шагнуть Петербург на этих тайных переговорах.

Неизвестно, как долго продолжались бы эти кофейные рауты, если бы обоих переговорщиков не подгоняло время. В спину Александру Михайловичу дышала война с двумя сильнейшими противниками, реформам Бисмарка преграждал путь несговорчивый ландтаг. Момент истины неотвратимо приближался, и первым не выдержал Бисмарк. Отбросив в сторону дипломатический этикет полунамеков и недоговариваний, прусский премьер открыто заговорил о тех условиях, при соблюдении которых прусская сторона могла бы быть полезна России.

На дворе стояла последняя декада марта, и ласковое весеннее солнце светило в окна королевского дворца в Потсдаме, когда министр-президент прусского государства переступил порог королевского кабинета с докладом о результатах своих переговоров с посланцем русского царя.

– У меня для вас хорошие новости, ваше величество, – сразу начал разговор Бисмарк, отбросив в сторону дворцовый этикет (как истинный вояка, Вильгельм ненавидел все это пустое сотрясание воздуха). – Император Николай готов поддержать любые ваши действия по наведению внутреннего порядка в стране. Любые, – многозначительно подчеркнул Бисмарк, и от осознания всего сказанного и несказанного на душе у Вильгельма сразу стало радостнее.

– В случае крайней необходимости, для подавления вооруженных выступлений наших подданных, обьятых революционными идеями, русский царь готов направить в Пруссию войска, естественно, полностью переподчинив их вашему командованию. Срок их пребывания на нашей территории будет зависеть только от вас и ни от кого другого.

– Что хочет получить взамен мой царственный брат? – поинтересовался прусский король, хорошо понимая, что на безвозмездный подарок, подобный тому, который сделали русские австрийскому императору в 1848 году, ему рассчитывать не следует.

– Заключение между нашими странами договора о военном союзнчестве сроком на пять лет, с возможной пролонгацией его еще на пять лет.

– Попросту говоря, с помощью наших штыков Николай желает основательно припугнуть господ австрийцев? Милое дело, ничего не скажешь, – произнес король, моментально уловив главную суть русского предложения.

– Совершенно верно, ваше величество. Императору Николаю как никогда нужно найти хороший противовес венскому двору, который не так давно присоединился к англо-французскому меморандуму против России.

– Возможно, нам не следует спешить с заключением этого договора? – осторожно спросил Бисмарка король. – Парижу и Лондону, вне всякого сомнения, не понравится наше сближение с Петербургом.

– Конечно, не понравится, – быстро согласился с ним Бисмарк. – Однако никаких реальных шагов против нас ни одна из великих держав предпринять не сможет. Франция основательно увязла под Севастополем и вряд ли сможет послать еще одну армию к нашим западным границам. Англия также направила в Крым все свои силы, оставив себе солдат для охраны королевы и поддержания порядка в Ирландии. В этих условиях Вена не рискнет действовать против нас в одиночку, тем более если за нашей спиной будут русские штыки.

Сидя за массивным письменным столом из орехового дерева, Вильгельм не торопился высказывать своего мнения, сосредоточенно покручивая свои жесткие усы. Как ни высоко ценил король мнение Бисмарка, он хотел убедиться в правильности сказанных им слов. Воспользовавшись молчанием монарха, премьер, уже все для себя решивший, открыл свою папку для докладов и стал говорить уверенным голосом:

– Конечно, самым благоразумным для нас было бы остаться в стороне от большой войны и, положившись на волю божественного провидения, попытаться самим решить наши проблемы. Как говорят русские, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Однако сведения, поступающие от барона Корстена из Парижа, заставляют задуматься об ином. Та угроза, о которой я вам докладывал два месяца назад, полностью подтвердилась. Все наши французские информаторы в один голос утверждают: у императора Наполеона очень серьезные планы по перекройке нынешних границ Европы. И, что самое скверное для нас, в основном это произойдет за счет германских земель. Согласно самому последнему сообщению, на последнем заседании тайного совета империи Наполеон открыто заявил, что западная граница его государства должна проходить исключительно по Рейну, как это было во времена Первой империи.

Гневная гримаса на лице короля Вильгельма была ответом Бисмарку на его слова. Прусский монарх как никто другой знал, что его армия в своем нынешнем состоянии не сможет оказать достойного сопротивления алчному соседу, если на Рейне начнутся военные действия. Главная причина ее немощи заключалась в том, что рейнские провинции прусского королевства были полностью отрезаны от главных владений короны землями других немецких княжеств и королевств. Этот важный географический фактор не позволял пруссакам в случае военного конфликта с Францией быстро перебросить свои войска на защиту рейнского анклава. Разрозненность германских земель делала их легкой и заманчивой добычей для французского императора, который жаждал реванша. Только наличие сильной и крепкой армии могло заставить агрессивного соседа умерить воинственный пыл.

Вильгельм крепко стиснул пальцы рук, и Бисмарк и как ни в чем не бывало продолжил чтение бумаг.

– Кроме того, французский император намерен существенно изменить послевоенные границы и на востоке Пруссии. Так, на встрече с представителями польской эмиграции в Париже, под громкие крики присутствующих, император торжественно провозгласил себя главным покровителем всех поляков и клятвенно пообещал восстановить государственность Польши в границах Варшавского герцогства тысяча восемьсот двенадцатого года, включая Познань, Данциг, Торунь.

При этих словах Бисмарка на лице прусского монарха вновь отразилось недовольство. Все перечисленные докладчиком города и земли отошли к Пруссии в 1815 году по решению Венского конгресса.

– А что же Краков? – сварливо поинтересовался король о судьбе польских земель, отошедших во владение австрийцев по решению того же конгресса.

– Император также включил их в состав польского государства.

– Одно только и радует, что не одни мы понесем убыток от планов Луи Наполеона. Он явно хочет если не превзойти своего великого предшественника, то по крайней мере достичь такой же воинской славы.

– Ничуть не удивлюсь, если свое решение о восстановлении Польши французский монарх принял под влиянием какой-нибудь молоденькой полячки с пламенным сердцем, – едко пошутил Бисмарк, намекая на известный роман императора Наполеона с Марией Валуевской, но король не поддержал его иронию.

– С его стороны подобные заявления очень неосмотрительны. Ну, хорошо, нас он хочет наказать за действия моего отца в тысяча восемьсот тринадцатом году, когда с приходом русских войск Пруссия изменила союзу с Бонапартом и обратила против него оружие. Но делать подобный выпад против Австрии, которая сейчас является его союзником против русских, – это очень странный и не вполне понятный ход.

– На мой взгляд, император Наполеон вообще не считает Австрию своим союзником на континенте, ваше величество. Стремясь расширить свои южные границы, он активно ведет переговоры с Сардинским королевством, обещая итальянцам военную помощь в борьбе с австрийцами за северные провинции Италии. Взамен он требует от Кавура Пьемонт и Савойю.

– Неплохой аппетит у этого созидателя новой империи, – холодно молвил король, вновь сжимая свои кулаки. В свои шестьдесят лет Вильгельм не утратил былой силы и выносливости, которой мог позавидовать любой прусский капрал. – А что наш любезный кузен Николай? Как идут дела у него в борьбе с врагами? – спросил король Бисмарка.

– Положение русских, конечно, не столь блестящее, как они того хотели, но и не столь плохое, как желали бы видеть королева Виктория и император Луи. Севастополь продолжает стойко держаться, прочно приковывая к себе все англо-французское войско. Каждый месяц его осады вызывает ропот недовольства как в Париже, так и в Лондоне и одновременно вбивает клин разногласия между императором Наполеоном и лордом Пальмерстоном.

– Вот как? Интересно.

– Наполеон прекрасно видит, что все планы британского премьера по разделу России потерпели полное фиаско. Финляндия и Польское царство, вопреки надеждам британцев, не поднимают восстаний. Нет волнений среди казаков Украины и татар в Крыму. Выступления чеченского имама жестоко подавлены. Кавказ остался за русскими, несмотря на все усилия Лондона. В отместку британцам русские готовят поход на Индию, который должен состояться этим летом. Об этом в доверительной беседе мне сообщил Горчаков, и у меня нет оснований не доверять ему. Индия – самая болезненная точка англичан, и я полностью согласен с правильностью подобных действий Петербурга.

– Вы не исключаете определенного обмана со стороны русских в этом вопросе?

– Я бы был полностью согласен с мнением, ваше величество, но факты говорят, что слова Горчакова не блеф. Командующим этого похода назначен оренбургский генерал-губернатор Перовский, ранее сумевший успешно расширить южные границы империи в Азии. Все приготовления к походу курирует сам император Николай, так как индийский поход является его личным проектом.

– А не боятся ли русские более масштабного вторжения на свою территорию? Скажем, выступления десанта в Петербурге или вторжения со стороны Австрии? – быстро спросил король. – Что говорит ваш Горчаков?

– Горчаков ничего не говорит, ваше величество. Однако я со всей уверенностью скажу, что это невозможно. Даже если Господь Бог поможет союзникам захватить русскую столицу, то это только сослужит им дурную службу. Русский медведь очень терпелив к укусам блох, но если его задеть всерьез, то тогда он яростен и беспощаден. Разорение Петербурга только сплотит русский народ вокруг царя, которому они моментально простят все его прежние ошибки и прегрешения. Что же касается австрийского вторжения в Россию, то я просто не завидую австрийским солдатам, которым предстоит пройти тысячу километров по враждебной земле и по совершенно не приспособленным для езды дорогам. Со времен похода Наполеона там мало что изменилось. Об этом в один голос говорят все наши дипломаты, приехавшие в Петербург по суше.

В кабинете воцарилось напряженное молчание, и, воспользовавшись тишиной, Бисмарк быстро перевернул листок бумаги, чтобы продолжить доклад.

– Согласно конфиденциальным сведениям, полученным от маркиза де Сегюра, французский император с большой радостью свернул бы пребывание в России, но боязнь потери лица перед своими согражданами заставляет его идти до победного конца. Для оправдания многочисленных потерь в Крыму ему как победный приз нужен Севастополь.

– Значит, все зависит от того, как долго сможет продержаться эта русская крепость. А по моим личным подсчетам, в запасе у русских около полугода, не больше, – произнес Вильгельм с видом искушенного знатока военного дела.

– Сейчас, ваше величество, в Петербурге очень популярно имя адмирала Нахимова, который является душой обороны Севастополя. Как говорят русские, пока жив адмирал Нахимов, Севастополь не будет сдан противнику ни при каких обстоятельствах.

– Не знаю, каковы военные таланты этого адмирала. Возможно, они соответствуют тому, что о нем говорят в Петербурге. Но противостоять английским осадным мортирам орудиями крепостной артиллерии среднего калибра – очень трудная и почти не выполнимая задача. Это я вам говорю как профессиональный военный.

– Вполне возможно, что вы абсолютно правы, ваше величество, в оценке силы английских пушек, но я все же посмею с вами немного не согласиться, – парировал Бисмарк. – Весь ваш расчет строится исключительно на пассивности русской армии под Севастополем, а это не совсем так. Все мои сведения говорят, что они не собираются сидеть сложа руки. Горчаков открыто намекал мне на скорое наступление русских войск против турок, но упорно скрывая его место и время.

– Не стоит быть пророком, чтобы с легкостью угадать это. Вне всякого сомнения, русские вновь перейдут границу с Валахией и устремятся на Стамбул, свою главную цель всех войн с турками, – произнес король.

– Я также придерживаюсь этого мнения, но при этом, думаю, не следует сбрасывать со счетов кавказское направление, – высказал свое мнение Бисмарк.

– Не думаю. Оно всегда было малоперспективным как для русских, так и для турок. Только выходом на Босфор они смогут заставить войска англичан и французов снять осаду с Севастополя. Однако мы отвлеклись, Бисмарк, от нашего главного вопроса: о союзе с рус-

скими. – Вильгельм встал из-за стола и медленно подошел к окну. – Что вы думаете о нем? Стоит ли нам принимать протянутую руку императора Николая? – спросил он.

Услышав долгожданный вопрос, Бисмарк неторопливо закрыл папку и, выдержав привычную для дипломата паузу, изрек свое мнение:

– Думаю, ваше величество, на нынешний момент нам будет очень выгоден подобный союз. Воевать с Австрией мы, естественно, не будем, но наше демонстративное бряцание оружием заставит венский двор с большим вниманием относиться к интересам Пруссии в Германском союзе. Кроме этого, союз с русским царем будет нам очень кстати и в нашей борьбе с ландтагом. Возможное противостояние с австрийцами сможет отвлечь многих немцев от наших внутренних проблем.

– Дельная мысль. Продолжайте.

– Большого осложнения с австрийцами после заключения союза с русскими я не предвижу. Дальше обмена нотами протеста и предложения по началу переговоров о денонсации договора Вена не пойдет. Ей попросту будет не до нас. У Австрии уже сейчас намечаются куда большие проблемы в Италии, грозящие Вене потерей всех ее тамошних владений. Кавур намеренно допустил утечку информации о своих переговорах с Наполеоном, и итальянцы моментально отреагировали на это. Согласно поступившим сообщениям телеграфа, в Парме, Модене и Вероне произошли крупные волнения среди местного населения. Поэтому я предполагаю, что император Франц-Иосиф в скором времени будет вынужден направить в Италию австрийские войска.

Вильгельм некоторое время молчал, взвешивая все за и против, а затем спросил своего премьера деловым тоном человека решившего шагнуть в холодную воду:

– Как много времени уйдет на заключение союза?

– Господин Горчаков имеет все необходимые полномочия от императора Николая для немедленного подписания договора. Черновые наброски договора уже готовы и просмотрены мною. Осталось только уточнить кое-какие детали, и, если все пройдет гладко, в ближайшие два-три дня мы станем военными союзниками Петербурга. Вслед за этим, я думаю, уже на следующей неделе мы сможем начать реализацию наших армейских планов без оглядки на крикунов из ландтага.

Говоря это, Бисмарк сознательно увязал подписание договора с началом проведения реформ в армии, столь дорогой королевскому сердцу.

– А если господа депутаты даже после заключения союза с Россией все же наложат вето на наш законопроект, что тогда? Прямое противостояние и баррикады? – с тревогой спросил король.

– Я думаю, что в этом случае ландтаг придется вообще распустить, ваше величество. С господами сенаторами я уже говорил на эту тему, и они полностью поддерживают это предложение. Слава богу, у нас еще есть истинные немцы, – с пафосом сказал Бисмарк и, заметив немой вопрос в глазах монарха, тут же добавил: – Я думаю, нам следует последовать примеру Кавура и известить господ парламентариев о готовности русского царя оказать нам военную помощь в случае внутренних волнений. Память о том, как жестоко русские подавляли выступления восставших венгров, сильно остудит не в меру горячие головы некоторых господ депутатов, готовых идти на баррикады ради своих революционных идей и ценностей.

– И как долго вы намереваетесь обходиться без парламента?

– Пока не будет создана новая армия, готовая с оружием в руках защитить национальные интересы Пруссии, – твердо заявил Бисмарк.

Король внутренне заплотировал своему премьеру. Именно такой решительный и бескомпромиссный человек и был нужен Вильгельму во главе прусского правительства.

– Хорошо сказано, Отто. Ответ, достойный настоящего прусского немца. Создав новую армию, мы сможем железом объединить Германию, сделав то, что в свое время не смог сде-

лать незабвенный император Священной Римской империи Карл V Габсбург, – гордо произнес Вильгельм.

– Значит, мы принимаем предложение русских, ваше величество? – спросил Бисмарк.

– Да, думаю, это нам будет выгодно. За пять лет мы сможем заложить такие прочные основы новой армии, которые будут не по зубам нашим соседям австрийцам. Кроме того, в случае необходимости мы всегда сможем выйти из него. Необходимо прописать в договоре и такой пункт.

– Не беспокойтесь, ваше величество. Такой пункт уже вписан в проект и обговорен с господином Горчаковым, – заверил короля Бисмарк.

– Что же, да поможет нам Бог в трудном, но благородном деле по преобразованию нашей многострадальной родины, – многозначительно произнес король, и его собеседник поспешил присоединиться к этому пожеланию.

Заключение союзного договора с русскими было первым серьезным делом в политической карьере Бисмарка. Настояв на союзе с Петербургом, он не только вступал в большую политику, но и утирал нос своим австрийским визави, постоянно выставлявшим его дерзкой выскочкой на заседаниях общего парламента Германского союза.

Так стараниями премьера Бисмарка и царского посланника Горчакова был начат новый виток в русско-германских отношениях, ставших взаимовыгодными для обеих стран.

Если в Берлине весна только вступала в свои права, то в далеком Тегеране уже вовсю цвели многочисленные фруктовые деревья. Все пологие склоны Эльбурса, могучие отроги которого плавной линией спускались к кварталам персидской столицы, были покрыты ухоженными шахскими садами. Загородная резиденция персидского правителя, где расположился личный и полномочный посланник императора Николая граф Бартяков, была окружена целым лесом гранатовых и персиковых деревьев.

Своим появлением в Тегеране граф был полностью обязан Алексею Ардатову, а вернее его уязвленной гордости. Узнав от государя императора, что генерал Перовский сумел блистательно преобразовать его идею по проведению ложного индийского похода в полномасштабную военную операцию, он получил ядовитый укол ревности. Желая оставить за собой последнее слово в реализации этого проекта, Ардатов засел за размышления, и фортуна благоволила ему. Снедаемый простыми человеческими страстями, граф не только смог существенно дополнить предложение генерала Перовского, но даже нашел России нового стратегического союзника в индийском походе.

По замыслу Ардатов, им должна была стать Персия, которая с давних пор претендовала на город Герат и прилегающие к нему земли. Это яблоко раздора с середины прошлого века попало в руки правителей Кабула, при поддержке британских штыков. Разделяя и властвуя в Азии, Лондон зорко следил за тем, чтобы ни одно из сопредельных с их индийскими владениями государств не представляло угрозу британским интересам.

Ни один из персидских монархов не смирился с потерей Герата, и Персия всячески старалась вернуть назад свои утраченные земли. Недавно возникшие распри между Дост-Мухаммед-ханом и Мохаммед Юсуфом, по мнению Ардатов, должны были оказаться хорошим стимулом для нынешнего властителя Тегерана, чтобы подтолкнуть его к активным действиям по расширению границ персидского царства.

Однако на деле не все было так гладко, как было изложено на бумаге. Сидевший на троне шахиншах Насер ад-Дин хорошо помнил, как его предшественник Мохаммед-шах Каджар, осадивший Герат в 1838 году, был вынужден снять осаду и отвести войска из-за ультиматума английского вице-короля. Тогда коварные сыны Альбиона открыто объявили всю афганскую землю сферой своего жизненного влияния, остудив холодным душем боевой задор Персии.

Ардатов здраво рассудил, что двойной удар по британским интересам в Индии заставит Лондон свернуть свое участие в боевых действиях в Крыму и сосредоточиться на сохранении своей главной жемчужины на Востоке. Именно в таком виде он представил свой новый план императору, которому тот сразу понравился. Не желая откладывать дело в долгий ящик, Николай сразу же отправил в Тегеран графа Бартякова, вот уже несколько дней проводившего активные переговоры с персидским шахом Насер ад-Дином.

Отношения русского монарха с персидским государством были довольно своеобразными. Уже с первых дней своего вступления на престол Николай выказывал желание мирно жить со своим южным соседом. Едва только стало известно о своевольном занятии персами части закавказской территории, отошедшей к России согласно Гюлистанскому мирному договору, как русский монарх отправил в Тегеран своего личного посланника князя Меншикова с наказом уладить все миром.

Желая сохранить дружеские отношения с персидским шахом, Николай был готов не только отказаться от спорных территорий, но даже уступить еще сверх того. Казалось, что кровопролития не будет, но подстрекаемый британским послом наследный принц Аббас-Мирза желал только одного – войны.

Посланный на защиту Кавказа генерал Паскевич сумел не только отбить нападение персов, но и перейти в наступление и уже через полтора года взял Тебриз, вторую столицу тогдашнего персидского государства. Между странами был заключен новый мирный договор, по которому Тегеран лишился части своих закавказских земель и был вынужден выплатить огромную контрибуцию в двадцать миллионов рублей.

По личному приказу царя в Тегеран был направлен новый русский посол, статский советник Грибоедов, которому император дал наставление укрепить добрососедские отношения между странами и не допустить возникновения новой войны. О том, как боялись ее персы, говорил тот факт, что подписание нового Туркманчайского мирного договора по требованию персидских астрологов было совершено ровно в полночь 10 февраля. По заверению звездочетов, это был наиболее благоприятный момент для прочного мира.

Однако не все в Тегеране хотели мира с северным соседом, и в первую очередь британский посол Малькольм, усиленно интриговавший против посланника Петербурга. Результатом его тайных действий стали массовые выступления в персидской столице. Используя недовольство простых жителей Тегерана огромной суммой контрибуции, а также предоставлением убежища шахскому еврею, при помощи подкупленных мулл британцы натравили разъяренную толпу на русское посольство. В результате резни погибли все тридцать семь сотрудников посольства, включая самого Грибоедова. Его истерзанное тело опознали только по шраму на руке.

Когда пьяный угар вольницы спал, на улицах Тегерана воцарилась тревожная тишина. Всем стало казаться, что вот-вот из-за вершин Эльбурса появится грозный Ермолов, оставивший здесь о себе недобрую память после занятия Тебриза. Казалось, что персидские астрологи ошиблись, и новой войны не миновать, но неожиданно русский царь вновь явил соседям свою милость. Своей монаршей волей он остановил гневные речи генерала Ермолова, требовавшего похода на Тегеран и наказания всех виновных в убийстве посла, сказав, что перед началом войны желает выслушать провинившуюся сторону.

Персидское посольство возглавил один из младших сыновей шаха, Хосров-Мирза. Робко и боязливо вступил персидский принц в покои Зимнего дворца, готовый в любую минуту лишиться жизни по приказу русского императора. К подобному исходу дела его подготовили великий визирь и сам отец, но судьба сулила принцу иной жребий.

Николай Павлович проявил не только государственную, но и человеческую мудрость. Он не стал требовать физического наказания виновников смерти своего посла, ограничившись лишь получением за пролитую кровь Грибоедова легендарного алмаза «Шах». Более того, рус-

ский властитель, к огромной радости персидского народа, даже значительно уменьшил ранее наложенную на страну контрибуцию, хотя мог потребовать порты на южном берегу Каспийского моря, как сделал это его прапрадед Петр Великий. В этот момент России был нужен мир.

Персы долго славилы благородство северного царя, и потому, когда стало известно о готовности русского императора поддержать шахиншаха в его стремлении завладеть такой престольной жемчужиной, как Герат, у них не возникло удивления или подозрений. Обрадованные словами Бартякова, они дружно принялись славить Николая Павловича и просить Аллаха послать на головы ненавистных англичан ураган, мор и проказу. Однако как истинные сыны Востока, привыкшие торговаться, они не торопились ударить по рукам, хотя для них поход на Герат был выгоднее, чем для русских. Уловив интерес к себе со стороны могущественного соседа, шахиншах стал тянуть время, желая получить от северного соседа что-нибудь еще.

Согласно давно заведенным на Востоке традициям, персы начали вести переговоры чинно и неторопливо, с многочисленными отступлениями, возвращаясь к уже, казалось бы, решенным вопросам. Бартяков иногда просто зверел от подобных действий, но, выполняя волю императора, был вынужден сохранять спокойствие и дружественную улыбку на лице.

Вначале Насер ад-Дин намекал на возможные территориальные уступки со стороны России, в виде возвращения Персии части Нахичеванского ханства, но Бартяков сразу пресек любые попытки вести диалог в этом направлении.

– Ни о каком изменении нынешних границ между двумя странами не может быть и речи. Хочу довести до вашего сведения, что генерал Ермолов, который в свое время требовал передвинуть русские границы далеко на юг и оккупировать Тегеран, по-прежнему пользуется влиянием при дворе и время от времени направляет императору проект ведения новой войны на востоке. Государь Николай Павлович, искренне желая мира и благополучия между нашими странами, твердо стоит за нерушимость нынешних границ и всякий раз остужает воинственный пыл генерала. Однако и у государя может не хватить сил противостоять напору славного героя, если вдруг южные границы будут изменены в пользу Персии.

Услышав имя генерала Ермолова, персы сразу приуныли и больше не пытались увязать поход на Герат с изменением границ. Но, получив отказ в одном, они сразу же стали настойчиво просить о другом. Раз в походе против афганцев они будут союзниками белому царю, то не грех ради общего дела было бы послать в помощь правителю Персии русских солдат. Так говорил шах Насер ад-Дин, так говорили его советники, но и здесь персидскую сторону ждало разочарование.

Готовясь совершить поход на Индию через среднеазиатские ханства, русский император не мог послать своему южному союзнику ни одного воинского соединения, ибо все они были задействованы в войне с британцами и французами в Крыму или с турками на Дунае. Единственное, чем Николай мог помочь своему соседу, так это снабдить его оружием – винтовками, патронами и даже десятком-другим пушек. Большая часть этой военной помощи уже находилась на складах в Астрахани и была готова к отправке в Персию по морю в любой момент.

Когда Насер ад-Дин слышал эти слова, он не смог сдержать радости от того, что безвозмездно получит столь дорогой подарок. Счастливая улыбка расплзлась на смуглом лице шахиншаха от мысли, что его войско будет вооружено ружьями и пушками. Подобного везения никогда не выпадало ни одному из правителей Тегерана. Главная ударная сила персов по-прежнему состояла из сабель, копий и луков. Насер ад-Дин был на седьмом небе от столь щедрых милостей царя, но хитрый шах хотел еще большего.

Получив в свое распоряжение огнестрельное оружие и зная о невысоком качестве выучки своих солдат, он попросил прислать в Тегеран в качестве инструкторов русских офицеров.

– Мы будем очень благодарны нашему царственному брату, если он пришлет нам своих блистательных офицеров для обучения моих воинов искусству современного боя.

Шах Насер ад-Дин щедро лил воду лести на уши царского посла, но граф уже хорошо знал, сколь легковесны сладкоречивые речи его собеседников.

Вежливо склонив голову, в витиеватой восточной манере, которой он быстро обучился за время переговоров, Бартяков ответил, что русский император очень хорошо понимает своего царственного брата, и, скорее всего, слова шаха найдут отклик в его безграничном сердце. Однако если просьба о посылке русских инструкторов была вполне ожидаемой, то последующее за ней продолжение стало неожиданностью для царского посланника, считавшего, что тема военного сотрудничества исчерпана.

То ли желая показать степень своего высокого доверия к северному владыке, то ли решив в этот день добиться максимальной пользы от союза с русскими, но шах совершил поступок, который ранее до него никто никогда не делал.

Придав своему лицу многозначительный вид, персидский монарх торжественно произнес, глядя поверх голов своих многочисленных советников.

– Передайте также моему царственному брату и моему государю, что я буду несказанно рад, если походом моих войск на Герат будет командовать русский генерал, которого он сюда пришлет. Если мой брат сделает это, то тогда я совершенно спокоен за наш поход.

Услышав это заявление, Бартяков очень изумился и даже переспросил переводчика, правильно ли он понял слова шаха. Когда же тот слово в слово повторил ранее сказанное монархом, то граф не смог сдержать своего волнения.

– Русский генерал во главе персидского войска? Любой, кого император сочтет нужным назначить? – уточнил посланник, торопливо перебирая в уме возможные кандидатуры на столь важный пост.

– Любой, – подтвердил Насер ад-Дин, радуясь тому эффекту, который произвело его предложение.

– Даже если пришлет генерала Ермолова? – с невозмутимым лицом уточнил Бартяков, не удержавшись от возможности поддеть персов, к которым в его душе накопилась масса недовольства за их многочисленные виляния во время ведения переговоров.

– Господин посол, конечно, шутит. Всем известно, что генерал стар и вряд ли сможет перенести все тяготы предстоящего похода, – поспешно произнес Мохаммед Али, главный советник шаха, и граф больше не упоминал Ермолова, удовлетворившись тем, как вытянулись лица персов при упоминании имени бывшего грозного наместника Кавказа.

– Я сегодня же отошлю специального гонца к государю императору с известием о вашем предложении, и смею надеяться, что оно будет благосклонно рассмотрено, – заверил Бартяков шаха, энергично прижимая правую руку к сердцу, что на языке восточного этикета выражало правдивость и искренность сказанных слов.

Фельдгегерь со срочным письмом от Бартякова застал русского императора в Орле, куда он прибыл с инспекторским визитом по просьбе графа Ардатова. Пока на Финском заливе стояли льды и вопрос о союзном десанте на Петербург временно откладывался, император на время покинул столицу для поднятия духа среди мирного населения.

Псков, Тверь, Москва, Тула, Орел – таковы были этапы большого пути Николая Павловича, который должен был продемонстрировать всем, а в первую очередь внешним врагам, что государь не пал духом от временных неудач в Крыму и не собирается идти на мировую с неприятелем. Напротив, император полностью уверен в своих силах и готов к ведению долгого затяжного военного конфликта.

Предложение Насер ад-Дина прислать к нему русского генерала очень заинтересовало Николая Павловича. Желание шаха поставить во главе своего войска иноземного генерала говорило о том, как далеко собирался персидский монарх шагнуть в отношениях с Россией.

Императора нисколько не смутил тот факт, что русский генерал будет командовать армией чужого государства и, хоть на время, но будет вынужден находиться в услужении у пер-

сидского монарха. Генералиссимус Суворов и блистательные черноморские адмиралы Ушаков и Лазарев также когда-то подчинялись австрийскому и турецкому монархам, но это ничуть не умалило славу их военных побед, одержанных ими во славу России.

Перебирая в уме военную историю, государь неожиданно вспомнил другой пример. Омер-паша, главнокомандующий Дунайской армией турок, по национальности являлся хорватом и при рождении получил имя Михаил Латош. Переметнувшись в молодые годы на сторону Османской Порты, бывший австрийский офицер смог сделать себе хорошую карьеру и войти в число высших турецких генералов, верой и правдой служа стамбульскому монарху. В нынешней войне, командуя Дунайской армией, он успешно противостоял действиям русской армии под Ольteniцей, но добился этого успеха не столько своим талантом и умением, сколько благодаря бездарным действиям генерала Данненберга.

С переходом войны на крымскую землю, по личному приказу султана, Омер-паша получил под свое командование тысячный турецкий корпус и чин коменданта Евпатории. Меншиков перед тем как покинуть пост командующего Крымской армии попытался отбить Евпаторию у врага. Это наступление, как и все предыдущие операции, организованные светлейшим князем, закончилось полным провалом.

Когда под огнем врага русская пехота подошла к турецким оборонительным позициям возле города, неожиданно выяснилось, что во рву, вырытом турками, стоит вода, а штурмовые лестницы оказались слишком короткими. Желая спасти жизни своих солдат, генерал Самойлов отдал приказ об отступлении, и вновь Омер-паша одержал сомнительную победу благодаря неудачным действиям противника.

Евпатория осталась в руках союзников, но с тех пор ни о какой активности со стороны корпуса Омер-паши ничего не было слышно. Боясь нового нападения русских, он словно крот зарылся в земляные укрепления вокруг города, стянув в него все турецкие экспедиционные силы, ранее находившиеся под Севастополем, общая численность которых достигла тридцати тысяч человек.

Согласно данным разведки, отойдя от стресса после «блистательной» победы, Омер-паша завалил султана прошениями направить его на Кавказ, клятвенно обещая монарху полностью прогнать русских с Кавказа.

«Что же, хвастун Омер, Бог любит троицу. Встретимся с тобой еще раз и там посмотрим, каков ты в деле», – подумал про себя император и, откинувшись на жесткую спинку походного стула в своем скромном кабинете, задумался.

С самого начала у царя было очень сильное желание послать в Персию фельдмаршала Паскевича, который в прошлую войну воевал в этих местах и стяжал лавры победителя. Однако после трезвого размышления император с сожалением отвел кандидатуру престарелого Паскевича. Столь далекий поход мог оказаться не по силам фельдмаршалу. В этом деле императору был нужен энергичный и волевой человек, который мог не только хорошо выполнить порученное ему задание, но и в случае необходимости самостоятельно принять важное решение. Кроме этого, этот человек должен был хорошо знать специфические особенности Востока, его многочисленные нюансы, от знания и соблюдения которых во многом зависел успех всего дела.

Не желая перекладывать столь ответственное решение на чужие плечи, Николай стал неторопливо перебирать в своей памяти одного генерала за другим, при этом аккуратно выписывая на листок бумаги фамилию очередного кандидата на поездку в Персию. После тщательного размышления и взвешивания всех за и против государь либо вычеркивал человека из своего списка, либо оставлял, ставя против фамилии только одному ему понятные знаки или слова, характеризующие этого соискателя. Вскоре число кандидатов сократилось до семи, затем до трех, и в конце концов единственным не вычеркнутым из императорского списка человеком оказался генерал-майор Евдокимов.

Отложив в сторону перо, царь остался довольным проделанной работой. Евдокимов действительно не только хорошо ориентировался во всех восточных особенностях, но и умело использовал их для достижения нужного результата. Так, желая уменьшить число сторонников воинственного дагестанца Шамиля, Евдокимов действовал не угрозами и запугиванием горцев, которыми был славен Ермолов, а откровенно подкупал представителей дагестанской знати, чьи воины составляли основу воинства непримиримого имама. Хорошо зная психологию горцев, Евдокимов всегда вел доверительные разговоры с приглашенным к нему вождем только с глазу на глаз, что было очень важным фактором. Будучи один на один с русским генералом, наиб мог позволить себе человеческую слабость, что было недопустимо перед подчиненными.

Умело играя на банальной человеческой жадности, Евдокимов с почтением предлагал горцу большую сумму денег в обмен на мир с русским царем. Если гордый вождь отказывался, то Евдокимов немедленно удваивал предложенную сумму. Если следовал повторный отказ, добавлял еще и еще, твердо зная, что у каждого человека есть своя цена. В конце концов гость брал деньги и уходил от Шамиля. К звону русского злата оставались глухи лишь религиозные фанатики и вожди, связанные с Шамилем кровными узами, но их было значительное меньшинство.

Так, благодаря мудрой политике русского генерала, к началу войны Шамиль остался без войска и не смог внести существенных изменений в расстановку сил на Кавказе. Подняв по указке турецкого султана восстание в тылу русских войск, имам двинулся на Тифлис, но был остановлен силами местного гарнизона и грузинской милицией. Для подавления восстания воинственных горцев русским не пришлось привлекать дополнительные силы из своего кавказского корпуса, прикрывавшего границу от возможного вторжения Анатолийской армии турок.

Когда Николай объявил о своем решении послать в Персию генерала Евдокимова, то оно вызвало среди столичного генералитета не столько удивление, сколько неудовольствие и зависть.

– Неужели, государь, среди нас не нашлось более достойного и опытного человека, чем генерал-майор Евдокимов? Неужели он более люб тебе, чем те, кто выше его чином и заслугами? – недоумевали генералы, втайне желая добиться отмены решения императора, но Николай был тверд.

– Знатность еще никогда не заменяла наличие ума, а что касается наград и чинов, то как раз за этим я его и посылаю к шаху. Справится – награжу по-царски, опростоволосится – прогоню прочь и признаю правоту ваших слов. Такова моя царская воля.

Именно с таким формуляром и был отправлен в далекий Тегеран генерал Евдокимов, дальнейшее продвижение которого по службе теперь полностью зависело от него самого.

Глава II. Кабинетные решения

На момент утреннего доклада у австрийского министра иностранных дел Карла Фердинанда фон Буоля были самые скверные новости для императора Франца Иосифа. Сообщения от австрийского посла в Париже, поступавшие в Вену в течение последних трех недель, вызывали у господина министра сильную тревогу и волнение. Подобно юной гимназистке, отдавшей свои пылкие чувства заезжему красавцу гусару, Австрийская империя томила от дурного предчувствия того, что она будет жестоко обманута и брошена на произвол судьбы. Путем шантажа и угроз вынудив Австрию присоединиться к союзу против России в декабре 1854 года, парижский властитель раз за разом пренебрежительно вытирал ноги о государственные интересы австрийской державы.

Поставив во главу своей политики идею возрождения французской империи, Наполеон III стремился всячески доказать своим подданным, что он полноправный преемник своего великого родственника. Умело эксплуатируя образ великого императора, новый Бонапарт так строил свои действия, чтобы они совпадали со знаменательными датами деяний своего предшественника. Так, переворот, сделавший республиканскую Францию империей, был специально приурочен к дате Аустерлицкого сражения, а коронация нового Наполеона день в день совпадала с коронацией старого правителя.

Подобные действия нашли большой отклик в сердцах многих простых французов, и окрыленный первыми успехами по укреплению личной власти, Луи Наполеон продолжил политику имперского возрождения. Начавшуюся войну с Россией он объявил своеобразным реваншем за поражение 1812 года, а расширение алжирских владений – продолжением восточного похода 1799 года.

Вступив на престол, Наполеон III видел в Вене исключительно временного союзника, нужного сугубо для достижения тайных целей императора. Французский монарх сразу заявил своему ближнему окружению, что считает своим долгом наказать изменников, погубивших дело Первой империи. Монарх сознательно не уточнил их имена, но все хорошо понимали, что изменниками были Пруссия и Австрия, переметнувшиеся в стан противников после сокрушительного поражения французов в России.

Хорошо разбираясь в европейских делах, Луи Наполеон отлично видел, что австрийцы держатся на плаву исключительно за счет противоречий между соседями, удачно лавируя между Парижем, Лондоном, Берлином и Петербургом. Подобная стратегия позволяла венскому двору не только сохранять целостность своих границ, но еще и кое-чем поживиться.

Поэтому в отношении Вены, Франция сразу заняла очень жесткую позицию, постоянно диктуя свои требования в ультимативной форме и демонстративно позвякивая оружием. Возможно, Австрия и не поддавалась бы на столь примитивный шантаж, но за спиной Наполеона стоял Лондон, а выступать сразу против двух столпов европейской политики, не имея хоть какого союзника, бравая Вена никак не могла. Боязно-с.

Поддержав требование Лондона и Парижа по выводу русских войск из Дунайских княжеств, Австрия надеялась, что этот шаг сделает ее полноправным партнером в новом антирусском союзе, но она жестоко просчиталась. Луи Бонапарт имел хорошую память и с самого начала не собирался хоть в чем-то потакать австрийцам.

Едва только русские покинули Валахию и Молдавию и их заняли австрийские войска, Бонапарт объявил Францу Иосифу, что видит Дунайские княжества исключительно как часть Франции и не готов уступать их ни одной континентальной державе.

В Вене слова основателя Второй империи произвели эффект разорвавшейся бомбы. Желая хоть как-то образумить зарвавшегося соседа, господин Буоль обратился за поддержкой в Лондон, но Туманный Альбион остался глух к австрийским проблемам. У лорда Пальмер-

стона на Наполеона были свои далеко идущие планы, и ссориться с ним на данный момент английский премьер не собирался. Франция еще не выполнила свою главную задачу по разрушению России и потому была более ценна для Британии, чем вечно лавирующая и интригующая против всех Вена.

Проглотив отказ Пальмерстона, Австрия молча вывела свои войска из Дунайских княжеств, поставив еще одну жирную галочку в своем тайном счете претензий к Парижу.

Наполеона III это, впрочем, ничуть не беспокоило. Чувствуя слабость австрийцев и свою силу в нынешнем раскладе большой европейской политики, он продолжил нажим на Вену, благо этого требовали интересы Парижа. После неудачной атаки на Севастополь положение французского императора как гегемона Европы несколько поколебалось, и он стал требовать от Франца Иосифа присоединения к англо-французской коалиции на основе декабрьского договора 1854 года.

Узнав новые требования могучего соседа, молодой австрийский император пришел в отчаяние. Его страна попросту не была готова к войне. Вена в привычной для себя манере могла только громко вещать, надувать щеки, сдвигать брови домиком и брехать оружием. Австрийцев одинаково страшила как война с Николаем, так и война с Наполеоном.

Господин Буоль стал лихорадочно лавировать между французским послом графом Буркнэ и русским посланником господином Будбергом. Обе стороны оказывали весьма существенное давление на австрийского императора, который лихорадочно метался между двумя берегами.

Все решила ультимативная телеграмма французского монарха с требованием дать четкий и ясный ответ на вопрос, на сторону какой из воюющих сторон встанет Австрия. Европейская солидарность против «диких азиатов» взяла верх, и господин Буоль дал согласие на присоединение своей страны к договору 1854 года, не забыв при этом выторговать у Наполеона обещание, что территориальное положение Италии и существующий в ней общественный порядок не будут нарушены во время ведения войны с Россией.

Французский император, не колеблясь ни минуты, приказал министру иностранных дел Друэну де Люису составить специальное соглашение по Италии, текст которого был предоставлен венскому послу Гюбнеру, и австриец остался доволен им.

Следуя вековым правилам своей дипломатии, перед подписанием договора Вена взяла двухдневную паузу, которая очень сильно нервировала французского монарха. Отчаянно блефуя в отношении Франца Иосифа, Бонапарт затаив дыхание ждал решения австрийского императора.

В тот день в императорском дворце Тюильри царила звенящая от напряжения тишина. Наполеон был полон самых дурных предчувствий в отношении ответа Вены, и, когда лакей внес на золотом подносе телеграмму от графа Буркнэ, за обеденным столом воцарилось гробовое молчание. Все члены императорской семьи с замиранием сердца смотрели на императора, торопливо открывшего запечатанный бланк телеграммы.

Быстро ознакомившись с ее содержанием, император радостно поднял голову и торжественно прочитал сообщение из Вены вслух. После этого в совершенно не свойственном ему душевном порыве он обнял императрицу, а затем поздравил всех присутствующих на обеде лиц. Сразу после этого события на парижской и лондонской бирже был отмечен рост ценных французских бумаг – главного показателя доверия банкиров к политике императора.

Заискивая перед Францией, господин Буоль до последнего часа настойчиво внушал Будбергу, что Австрия готова остаться нейтральной страной для России на случай войны. Когда же стало известно, что Вена все же присоединилась к «Антанте», русский посол в порыве гнева потребовал от австрийского императора свой паспорт, и только личное вмешательство императора Николая предотвратило отъезд Будберга.

Назвав Буоля «лжецом и негодяем», русский император все же не хотел открытой конфронтации с Веной, хотя не исключал возможности начала войны с ней. В эту трудную минуту русского царя поддержал фельдмаршал Паскевич. Готовясь принять под командование Дунайскую армию, он со всей ответственностью заверил своего государя, что в случае войны сумеет остановить австрийские войска на Днестре.

Как показали последующие события, удержание русского посла в Вене было очень правильным ходом императора Николая. Отбросив в сторону всю свою прежнюю симпатию к австрийской державе, Николай Павлович с прагматичной холодностью взирал на мельтешение австрийского министра, пытавшегося объяснить Будбергу причины, вынудившие венский престол подписать договор. Прошел месяц, другой, третий, а венцы все продолжали заигрывать вокруг русского посла, и Николай полностью убедился, что скорой войны с Австрией не будет, по крайней мере если русское воинство не потерпит нового поражения под Севастополем.

Уступив нажиму Парижа, австрийцы сильно осложнили свое положение в Германском союзе. Большинство немецких земель во главе с Пруссией крайне негативно относились к возможности участия Австрии в военном конфликте с Россией. Бавария, Гессен, Силезия, Нассау с самого начала конфликта настойчиво призывали Вену сохранить свой нейтралитет и не позволить разгореться большой европейской войне. Немецкие государства не желали воевать с Петербургом из-за балканских интересов Австрии.

Подобная позиция членов Германского союза очень сильно беспокоила господина Буоля, так как Вена издавна привыкла считать себя лидером этой конфедерации. Особенно его насторожило выдвижение Бисмарка на пост министр-президента Пруссии. Острый ум австрийского дипломата сразу определил в том опасного для Вены политика. Буолю было достаточно немного пообщаться с прусским премьером, чтобы убедиться, как тот разительно отличается от своего постоянно сомневающегося предшественника.

Господин министр попытался по своим каналам повлиять на прусского короля Вильгельма в отношении кандидатуры Бисмарка на премьерском посту, но тот был абсолютно глух к мнению венских лоббистов.

Новый 1855 год не принес Францу Иосифу и его министру спокойной жизни. Если январь и февраль прошли под знаком лавирования между русским и французским послом, то март был поистине богат на сюрпризы. Ведя только одному ему понятную политику, император Луи Наполеон неожиданно озвучил свое видение европейских границ. Декларируя политику реванша 1815 года, французский монарх открыто заявил свои претензии на те земли, которые, по его мнению, были насильственно отторгнуты от Франции силой оружия и принуждения. И большая часть территориальных претензий была предъявлена именно Германскому союзу, в который входила Австрия.

В первую очередь французский император желал восстановить франко-германскую границу по Рейну с получением в свое владение области Пфальц и городов Ахен, Трир и Кельн. Также в составе своей империи Наполеон видел Бельгию и Пьемонт, как несправедливо утраченные по решению Венского конгресса французские земли.

Следуя примеру своего великого дяди, Луи не стал открыто претендовать на Голландию и вольный город Гамбург с окружающими его землями, однако они были обозначены как территории, в которых французская корона хотела иметь свое первостепенное влияние.

Конечно, это не было озвучено как официальное требование Франции к своим соседям, а только высказывалось императором Наполеоном в частных беседах. Однако не стоило труда предсказать последующие шаги французского монарха. «Если на стене висит ружье, оно рано или поздно выстрелит», – гласит народная мудрость. Господину Буолю вместе с другими министрами иностранных дел Германского союза оставалось только гадать, когда это случится.

Озвучив свои претензии к Европе и не получив после этого бурю гневных протестов от бельгийцев и от немцев, Луи Наполеон продолжал вести свою воинственную партию, пользу-

ясь попустительством Лондона. Прошло чуть более недели, и император преподнес Германскому союзу новый сюрприз. На встрече с представителями польской эмиграции французский монарх громкогласно объявил себя другом и защитником польской нации, несправедливо лишившейся своей государственности. После восторженной бури аплодисментов и клятвенных заверений высокородной шляхты в преданности французскому престолу Наполеон торжественно провозгласил, что намерен добиваться возрождения свободной Польши в рамках бывшего Варшавского герцогства.

Это было обозначение территориальных требований не только к русским, владеющим шестидесятью процентами территории бывшего герцогства, но и к австрийцам и пруссакам, согласно решению Венского конгресса получившим Краков и Познань.

И вновь заявление французского монарха было покорно проглочено Австрией, поскольку обещания полякам не были подкреплены официальным заявлением французской стороны. Мало ли чего мог пообещать император Наполеон кучке страждущих реванша эмигрантов! Ведь в большой политике от слов до дела пролегает огромное расстояние.

После столь недружественного демарша в сторону венского двора прошло почти три недели, и в душе господина Буоля уже улеглась горечь негодования на действия Парижа. Он стал размышлять над своими ответными контрмерами, когда телеграф принес новые известия. Ознакомление с ними заняло у господина дипломата много времени. Он понял смысл сообщения австрийского посла в Париже, но категорически не желал верить в то, что было изложено на шершавой телеграфной ленте.

Не желая попасть впросак из-за возможной ошибки или недостоверности полученных сведений, господин Буоль набрался терпения и стал мужественно ждать прибытия основных бумаг, отправленных по дипломатическим каналам.

Прошло ровно полтора дня от момента получения телеграммы до прибытия дипкурьера, и они показались господину министру вечностью. Дрожащими от нетерпения руками он вскрыл сургучные печати на толстом пакете и, достав из него документы, погрузился в их изучение.

Никогда ранее господин Буоль не вчитывался в листы бумаги со столь пристальным вниманием, тщательно оценивая каждый из присланных ему документов. Когда чтение было завершено, холодная испарина обильно выступила на лбу австрийского министра и скомканные листы выпали из его ослабевших пальцев. Столь омерзительного хода со стороны Наполеона господин Буоль просто не ожидал.

На следующий день, отправляясь на доклад к императору Францу Иосифу, кроме бумаг, полученных из Парижа, господин Буоль сознательно прихватил просьбу о своей отставке.

Австрийский император, несмотря на свою молодость, неплохо разбирался в физиогномике и уже при появлении своего министра иностранных дел сразу определил, что у герра Буоля сегодня плохие вести.

– Какие неприятности посетили ваше учреждение? – осторожно спросил император, старательно выдерживая кабинетный этикет, который не позволял монарху напрямую спросить, что случилось.

– Граф Ракоци сообщает интересные новости, ваше величество, – в тон монарху ответил Буоль, напряженно перебирая пальцами тисненную золотом вишневую папку.

– И с чем они связаны? – поинтересовался Франц Иосиф.

– Графу стали известны некоторые подробности последней встречи императора Наполеона с сардинским премьером господином Камилло Кавуром, посетившим Париж на прошлой неделе.

Буоль сделал паузу перед тем, как сообщить императору убийственную новость, старательно перебирая бумаги, заранее разложенные в папке в определенном порядке, но из-за нервного напряжения путаясь в них.

– Продолжайте, пожалуйста, – молвил молодой император, внутренне приготовившись к самому худшему.

– Дело касается скорого присоединения Сардинского королевства к антирусской коалиции и возможной отправки итальянских войск под Севастополь. Официального объявления по этому поводу еще нет. Господин Бонапарт втайне готовит русским этот неприятный сюрприз, но благодаря нашим осведомителям в свите сардинского премьера граф смог прислать довольно подробный отчет об этом визите.

– Что же, видимо, нам следует поздравить моего царственного брата с очередной победой на дипломатическом фронте! Возможно, присутствие итальянцев в Крыму все-таки позволит нам сохранить свой невооруженный нейтралитет, несмотря на наше вынужденное присоединение к декабрьскому договору, – осторожно высказал свое мнение Франц Иосиф.

– Я был бы счастлив, ваше величество, если бы это было бы так, но...

– У вас есть сведения, что Наполеон намерен добиваться участия наших войск в боевых действиях против русских? – вырвался у императора испуганный вопрос. – Господин Буоль, но это невозможно! Французы и англичане одерживают верх над ними только благодаря своим штуцерам, которых у нас примерно такое же количество, как и у русских, если не меньше. Эрцгерцог Альбрехт уверяет меня, что дальше Днестра наши войска пройти не смогут! С началом войны во многих наших частях участились случаи дезертирства славян, а это очень тревожный признак. Случись нам воевать с русскими сейчас, это будет самым черным днем в истории нашей державы.

– Пока, слава богу, французский император не требует от нас вооруженного участия в войне с Россией, ваше величество. Но сведения, полученные из Парижа, заставляют меня сильно усомниться в искренности заверений господина Бонапарта, которые он дал Губнеру в обмен на наше согласие присоединиться к союзному договору.

– Что вы имеете в виду, Буоль?

– Ту цену, которую французы пообещали сардинцам за их участие в войне против русских.

Министр вновь сделал многозначительную паузу, по которой монарх понял, что эта цена и была причиной плохого настроения докладчика.

– Говорите, я вас слушаю, – мужественно произнес австрийский самодержец.

– Согласно полученным сведениям, между Францией и Сардинским королевством подписан секретный договор, по которому Париж оказывает Виктору Эммануилу вооруженную помощь в борьбе против нас за обладанием Ломбардией и Венецией.

– Какая неслыханная подлость, Буоль! Принудить нас подписать крайне опасный для нас договор, объявить Дунайские княжества своим протекторатом и вести за нашей спиной сговор с итальянцами! Это недостойно императора французов! Я понимаю интриги против нас со стороны русских, но интриги против собственных союзников – это совершенно недопустимо для европейского монарха! – возмущался Франц Иосиф, голос которого звенел от гнева и обиды.

Буоль дал монарху возможность вылить на голову парижского интригана справедливое негодование, а затем продолжил говорить сдержанным тоном:

– Наполеон дал господину Кавуру согласие на присоединение к Сардинии, кроме Ломбардии и Венеции, также Пармы, Модены и Тосканского герцогства. Папская область лишится Болоньи и выхода к Адриатике. В отношении Неаполитанского королевства планы сторон мне неизвестны. Взамен сардинцы объявляют войну России и уступают императору Савойю и южную часть Пьемонта.

– Иными словами, он хочет получить все то, что Франция потеряла в Италии по решению Венского конгресса 1815 года, – хмуро подытожил император.

– Совершенно верно, ваше величество. Теперь все слова императора Франции, сказанные им относительно дальнейшего будущего Европы, приобретают конкретное подтверждение.

Император нервно пожевал свои пухлые губы, а затем поинтересовался у министра:

– Насколько достоверны полученные вами сведения, господин министр? Нет ли здесь ошибки или, того хуже, чьей-то тайной игры против нас? Возможно, русских?

– Вы слишком хорошего мнения о способностях русских дипломатов, ваше величество. Смею вас заверить, что подобное им пока не под силу. Что же касается нашего источника информации о переговорах господина Кавура с французским императором, то у нас нет никаких причин подозревать его во лжи или двойной игре. Сведения, полученные от него, всегда находили свое полное подтверждение, – с достоинством заверил собеседника Буоль.

– И кто же этот честнейший человек, позвольте вас спросить, господин министр? Если все обстоит так, как вы говорите, его уже давно пора наградить орденом Марии Терезы, – ехидно осведомился император.

– Боюсь, что это не представляется возможным, ваше величество. В силу особо сложившихся обстоятельств награждение нашего агента орденом Марии Терезы, как, впрочем, и другими орденами Австрийской империи, совершенно невозможно, и потому его поощрение будет исключительно в денежном эквиваленте.

– Он что, занимает у французов высокий пост или имеет духовное звание? – спросил заинтригованный Франц Иосиф.

Буоль на секунду замялся, а затем нейтральным тоном произнес:

– Как правило, ваше величество мы всегда стараемся сохранять полное инкогнито наших действующих агентов, в избежания провала.

– Вы не доверяете вашему императору, Буоль? – гневно осведомился монарх.

– Ну, что вы, ваше величество, вам я могу без утайки назвать его имя.

– Так-то лучше, господин министр, – удовлетворенно буркнул Франц Иосиф. – И кто этот таинственный незнакомец?

– Это высокооплачиваемая парижская проститутка Мари Лябурб, ваше величество. Согласитесь, что ее появление перед клиентами с австрийским орденом будет крайне неуместным.

– Мари Лябурб? – с удивлением выдал из себя монарх.

– Да, она самая. Мари вот уже три года как состоит в тайных списках господина Гюбнера. Только благодаря этому мы всегда знаем, о чем говорит сардинский премьер с императором Наполеоном.

– Да, вы правы, Буоль, крест Марии Терезы ей явно не подойдет, – хмыкнул император. – Что же вы предлагаете делать в этом случае?

Услышав самый главный вопрос этой встречи, министр иностранных дел замялся, и в воздухе повисла затянувшаяся пауза, которая насторожила австрийского государя.

– Говорите, я вас слушаю, Буоль. Вы ведь всегда были сторонником компромисса с императором Наполеоном. Что нам делать теперь, когда Бонапарт готовится коварно ударить нас ножом в спину?

– Если ваше императорское величество намекает на возможный наш союз с русскими, то я вновь готов подать вам прошение об отставке. Пусть этот союз состоится при другом министре иностранных дел Австрийской империи.

– Что вы конкретно предлагаете, Буоль? Громкое сотрясение воздуха мне не нужно. Если время вашей отставки придет, то вы узнаете об этом в первую очередь. Что вы молчите? Или вам больше нечего сказать и ваш источник вдохновения иссяк досуха?

Буоль мужественно выслушал гневную эскападу монарха, справедливо полагая, что у него есть все основания быть недовольным действиями подданного. Дела австрийской дипломатии шли далеко не так блестяще, как хотелось бы. В Италии местные жители были настроены крайне негативно по отношению к австрийцам, поскольку только их штыки удерживали

на престоле правителей Пармы и Модены, а также обеспечивали независимость папского престола.

Заигрывая с сардинцами и щедро раздавая им итальянские земли, Наполеон III бил точно в цель, хорошо зная, как непрочно положение Австрийской империи в этой части Европы.

– Сейчас мы ничего не сможем предпринять в качестве ответного хода, ваше величество, – медленно начал свою речь Буоль. – Но нет худа без добра. Кто предупрежден, тот вооружен, говорили древние римляне, и в этом они были абсолютно правы. Знание планов противника позволит нам не совершить трагическую ошибку в политике нашего государства.

– Войну с Россией? – быстро уточнил император.

– Вы совершенно правы, ваше высочество. При вновь открывшихся обстоятельствах военный конфликт с императором Николаем может сильно обескровить нашу армию, а это очень опасно для нас возникновением новых внутренних потрясений, подобных смуте тысяча восемьсот сорок восьмого года. Поэтому максимум, что мы можем сделать для французского императора – это оказать давление на русских. Однако любой выстрел в их сторону может обернуться для нас далеко идущими последствиями с непредсказуемым результатом.

– Хорошо, здесь я с вами полностью согласен. Но вот будет ли согласен мой царственный брат Бонапарт?

Буоль мягко многозначительно кашлянул, прежде чем решил дать ответ Францу Иосифу, который сразу уловил недосказанность в словах своего министра.

– Говорите все, что вы хотите сказать, Буоль, если это имеет прямое отношение к нынешней ситуации.

– Думаю, что имеет, ваше величество, но тут возникают некоторые трудности морального характера, – продолжал витиевато плести свою речь министр.

– Если эти трудности не связаны с супружеской изменой, расколом догмата веры или с предательством родины, то они достойны обсуждения, дорогой Буоль. Я вас слушаю.

Ни один мускул не дрогнул на лице министра иностранных дел, когда он начал объяснять императору свою идею.

– Сейчас в мире набирает силу движение анархистов. Эти революционеры не признают власти государства над собой и готовы бороться за свои политические идеалы с оружием в руках.

Министр замолчал, и Франц Иосиф сдержанно кивнул головой, и этот жест можно было расценить как его знакомство с данным вопросом в общих чертах.

– Наибольшую популярность движение анархистов получило в среде итальянцев, которые по своей человеческой природе особенно склонны к постоянным бунтам и мятежам. Главный оплот итальянских анархистов – это Неаполь, хотя тосканцы и ломбардцы мало чем уступают им в своем стремлении к неповиновению законной власти, будь она австрийская или местная.

Австрийский император продолжал кивать головой, но теперь с большим интересом и пониманием.

– Согласно специальному докладу начальника жандармского корпуса в Ломбардии, в настоящий момент среди итальянских анархистов стал особо популярен такой вид борьбы, как индивидуальный террор против высоких сановников и в первую очередь против главных лиц государства. Благодаря тому, что анархистские группировки пока малочисленны и разрознены, нашей секретной службе в Италии с помощью внедренных и завербованных агентов удастся держать их под определенным контролем. Скажу без лишней скромности: устранение пармского министра Казеранги, пытавшегося проводить антиавстрийскую политику, наших рук дело.

– Да?

– Да, ваше величество. Я не доложил вам об этом в свое время только из соображения того, чтобы ваша христианская совесть не пребывала в угнетенном состоянии из-за столь неприятных аспектов нашей большой политики. Что поделать, не все то, что мы творим на благо нашей империи, мы делаем в белых перчатках, – с притворным сожалением сказал Буоль. – Вот и теперь я рискнул посвятить вас в столь грязные подробности дипломатической кухни только ввиду очень трудного и опасного положения, в котором мы оказались благодаря деятельности вашего царственного брата.

– Можно короче?

– Конечно, ваше величество. На примете у нашей итальянской жандармерии есть несколько особо буйных анархистов, которые готовы пожертвовать собой ради торжества идей анархизма и совершить покушение на тирана Наполеона. Господин Бонапарт также не очень популярен в Италии из-за жестоких мер против итальянских эмигрантов, проживающих на территории Франции.

– То есть вы предлагаете физическое устранение французского императора? – с некоторым испугом переспросил Франц Иосиф.

– Как ни прискорбно звучит, именно это я и предлагаю. Основываясь на своем дипломатическом опыте, я с уверенностью могу утверждать, что Наполеон Бонапарт всерьез взялся за перекройку европейских границ. Смею вас уверить, что я хорошо знаю людей подобного типа, и остановить их может только одно – полное военное поражение. Больше ничего другого они не признают. Если мы сейчас не остановим французского императора, то боюсь, нас ждут более серьезные территориальные потери, чем наши итальянские провинции и польский Краков.

Произнеся столь несвойственную дипломатам открытую речь, Буоль с замиранием сердца ожидал реакции своего монарха. Больше всего он боялся, что молодой император по простоте своей души и неопытности начнет гневно обвинять его в потакании чудовищным грехам и в одно мгновение порушит всю ту стройную конструкцию тайного влияния, которую с таким трудом создал господин министр. Буоль очень не хотел посвящать монарха во все подробности закулисной жизни венской дипломатии, но чрезмерная активность Наполеона не оставляла ему выбора.

Министр с напряжением следил за выражением лица самодержца, но никак не мог определить направление хода его мыслей. Он уже ожидал самого худшего и мысленно готовил свою речь об отставке, однако реакция молодого императора была не похожа на то, что Буоль мог себе представить. Франц Иосиф просто и даже несколько сухо спросил, что будет необходимо для осуществления плана. Будничность тона императора несколько разочаровала министра, но опытный дипломат не показал этого и, взяв нужную паузу, так же просто и буднично ответил императору:

– Только деньги, ваше императорское величество. В отличие от дипломата здесь Франц Иосиф не смог сдержать своего удивления.

– И только? – изумленно спросил император, в чьем воображении убийство Наполеона должно было сопровождаться определенными трудностями. – Как это произойдет?

Буоль с большим трудом подавил в себе желание ответить так, как отвечают в подобных случаях взрослые мужчины неопытным юношам, но этика моментально взяла верх, и он произнес:

– Ваше величество, зачем вам знать подобные нюансы? Главное принять решение, а все остальное будет зависеть от Божьей воли и расторопности наших агентов.

– Да, Буоль, вы, как всегда, правы. – Император одернул на себе сюртук и, немного помолчав, осторожно спросил: – Я что-то должен подписать?

– Никак нет, ваше величество, – услужливо произнес министр. – Достаточно всего лишь одного вашего слова, чтобы тайный механизм пришел в действие. Прикажите, и мы начнем действовать сию же минуту.

Душевные колебания Франца Иосифа длились не очень долго, и монаршее согласие на устранение императора Наполеона было получено. Отныне австрийского императора прочно связывал с господином Буолем тайный замысел, исполнение которого гарантировало бы Австрии спокойное существование в ближайшие десять-пятнадцать лет. Дальше в будущее смеют заглядывать только одаренные люди, которыми ни Буоль, ни Франц Иосиф не являлись.

Наглядным подтверждением этого факта стали новые неутешительные вести для венского двора, пришедшие из Пруссии. С пришествием во власть Бисмарка золотые дни спокойного главенствования Австрии в Германском союзе закончились раз и навсегда. Новый прусский премьер был деловым человеком, что он и доказал своими действиями.

После того как ландтаг в очередной раз отказался утверждать бюджет страны, Бисмарк распустил парламент без объявления новых сроков выборов. Берлинские демократы были очень возмущены столь бесцеремонным поведением пруссака, как они за глаза называли Бисмарка, и уже разрабатывали свои контрмеры, но все неожиданно изменилось. Из каких-то источников стало известно, что для наведения внутреннего порядка в Прусском королевстве русский царь готов оказать королю Вильгельму военную поддержку, аналогичную той, которую он оказал Австрии в 1848 году.

Говорили, что военный министр уже отдал секретный приказ пограничной страже и воинским частям, дислоцированным возле границы с Россией, о недопущении вооруженного конфликта с русскими полками в случае перехода ими границы и начале движения на Берлин.

Сразу появилось множество очевидцев, собственными глазами видевших русских гусаров из необъятных глубин России, которые случайно пересекли границу. Увидев подданных прусского короля, русские кавалеристы немедленно покидали приграничные деревни, принося свои извинения старостам или случайным пограничникам. Поговаривали также о страшных казаках и полудиких татарах и башкирах. Вблизи границы их никто не видел, но присутствие этих соединений явно угадывалось по ту сторону кордона.

Для культурного европейского жителя той поры не было ничего страшнее, чем кровавые орды казаков, совершенно не боявшихся смерти, ради которой те только и жили. Считалось, что, ворвавшись в мирный европейский городок, казаки немедленно начнут грабить, пьянствовать и творить бесчинства над беззащитными женщинами, стариками и младенцами.

В умах добропорядочных немцев моментально всплыли рассказы из недалекого прошлого о том, что творилось в Венгрии при наведении порядка русскими батальонами. Досушие обыватели столь красочно описывали деяния казаков, что никто из мирных бюргеров не желал испытать подобного на своей шкуре. Каждый берлинец умел хорошо считать и без труда мог определить, сколько времени понадобилось бы русским войскам, чтобы достичь предместий Берлина.

Все эти новости разом свели на нет весь боевой пыл сторонников парламента. После шокирующего заявления Бисмарка о том, что в управлении государством можно обходиться без парламента, то, что он попросит военной помощи у русских для подавления восстания, казалось вполне возможным. Прошло несколько дней, и стало ясно, что новых баррикад в Берлине не будет.

Бисмарк ликовал от своей первой победы, одержанной им на посту прусского премьера. Запустив страшную сказку о русских казаках, он на деле доказал, что хорошо знает психологию рядового немецкого обывателя. Не останавливаясь на достигнутой победе, Бисмарк продолжил стремительно развивать успех и громогласно объявил о начале создания новой армии. В тот же день сенат полностью одобрил предложенную премьером программу военной реформы, и работа закипела.

Венская дипломатия с большой настороженностью встретила столь радикальные изменения внутри Прусского королевства и потребовала от Бисмарка разъяснений и уточнений относительно всевозможных слухов. Господин министр-президент любезно объяснил австрий-

скому послу Штилике, что венскому двору нечего опасаться из-за роспуска прусского парламента. Берлинцы с пониманием отнеслись к столь вынужденному шагу своего короля и бунтовать не собираются. Что же касается слухов о якобы военном союзе России и Пруссии, так это все досужие вымыслы и сплетни безответственных обывателей. Между двумя странами действительно заключен договор, в котором обе страны гарантируют друг другу нейтралитет в военных действиях сроком на пять лет. А все разговоры о якобы секретных протоколах, о привлечении русских частей к наведению порядка – так этого нет и в помине.

Господин Бисмарк не скрывал от господина Штилике, что подобный вопрос обсуждался в ходе переговоров со специальным посланником русского царя господином Горчаковым, но не более того, ничего не подписано.

Принимая герра Штилике, Бисмарк старался быть любезным, но чем сильнее он выказывал расположение, тем большее недоверие это вызывало у венского посла. Тот срочной депешей доложил об этом разговоре Буолю и тут же получил приказ выяснить всю правду о возможном сговоре Бисмарка и Горчакова.

Австрийский посол еще не успел обзавестись хорошей агентурой в канцелярии нового премьера, но за большие деньги сумел достать черновики тех секретных протоколов, о которых так усердно говорил весь Берлин. Их, конечно, никак нельзя было предъявить Бисмарку в качестве улики, но для господина Буоля и этого было достаточно. Кто предупрежден, тот вооружен.

С этого момента прусский премьер был вписан в черные списки венской дипломатии, которая, к своему большому сожалению, не могла разделаться с ним сейчас. Призыв Бисмарка к созданию новой армии, которая будет способна защитить родину, нашел широкий отклик в сердцах многих немцев. Его призыв был очень актуален. Угроза внешнего врага оказалась самым действенным средством для сплочения нации в одно целое, возможностью забыть на время внутренние неурядицы. В своем патриотизме подданные прусского короля мало чем уступали своим воинственным соседям по ту сторону Рейна.

Пока венский двор лихорадочно пытался строить козни французскому монарху, сам Наполеон не собирался сидеть сложа руки. Добившись согласия сардинского премьера на участие в войне с русскими и получение взамен части Пьемонта, он предпринял следующий шаг, совершенно ошеломивший как его сторонников, так и противников. Хорошо понимая причину благосклонности британцев, основатель Второй империи не собирался все время быть послушным орудием лорда Пальмерстона. Отлично помня главный девиз английской дипломатии о том, что у Британии нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы, Наполеон решил вести выгодную для себя игру.

Поэтому, не успев проводить господина Кавура, французский император пригласил во дворец Тюильри для частной беседы саксонского посла фон Зеебаха, являвшегося зятем русского канцлера Нессельроде.

Принимая дорогого гостя в павильоне Марса, Наполеон попытался создать во время беседы самую непринужденную обстановку, демонстрируя саксонскому послу полную доверительность и откровенность.

В течение полутора часов, не спеша попивая кофе, французский император рассказывал фон Зеебаху, с какой симпатией относится к русскому императору, а также поведал о том, что считает нынешнюю войну порождением трагических случайностей. Давая оценку конфликту между Россией и Францией, Луи Наполеон заявил, что обе страны не смогли вовремя пойти на разумный компромисс. Вполне возможно, что французский император действительно так считал в глубине души, но во время беседы с саксонцем он преследовал определенные политические цели. Разливаясь сладкоголосой птицей перед зятем Нессельроде, французский монарх просто хотел приобрести запасной плацдарм на случай переговоров с русским царем.

Истинный политикан, при всех своих успехах Луи отнюдь не исключал возможности того, что фортуна может неожиданно отвернуть от него свой божественный лик и тогда действительно придется договариваться с русскими. Тогда как нельзя кстати придется факт этой непринужденной беседы среди дивной красоты императорской оранжереи.

К радости Бонапарта, в течение всего разговора саксонец слушал его самым внимательнейшим образом и, попивая императорский кофе, иногда даже подавал одобрительные реплики, выражая свое восхищение мудростью собеседника. После окончания встречи император был полностью уверен в том, что Зеебах сегодня же известит своего тестя о состоявшейся беседе.

Приглашая саксонца к себе во дворец, император также хотел поднять свои акции в глазах британцев, и это ему удалось. Уже на другой день содержание беседы стало известно британскому послу, естественно, с нужными Наполеону купюрами и звучанием. Одновременно с этим в Лондон ушла срочная депеша о результатах военного совещания, которое провел французский император, решая вопрос о дальнейших действиях французской армии в Крыму.

По мнению французских генералов, после девяти месяцев безрезультатного стояния под Севастополем остро назрел вопрос о том, что делать дальше – снимать осаду и искать более слабые места русской стороны, либо, невзирая на людские потери, брать город штурмом. Оба эти варианта имели как своих ярых сторонников, так и не менее ярых противников, непрерывно доказывавших императору свою правоту. Тех генералов и маршалов Франции, которые настаивали на продолжении осады Севастополя, активно поддерживали британцы, страшно боявшиеся внезапной перемены настроения обитателя дворца Тюильри.

Желая закрутить интригу до конца, Наполеон внимательно выслушал обе стороны. Он много спрашивал, уточнял, но так и не принял окончательного решения, объявив, что ему нужно хорошо подумать.

Для лорда Пальмерстона все эти новости были словно ушат холодной воды. Британский премьер был полностью уверен в том, что французские солдаты еще долго будут трудиться на благо Британской империи, и вдруг возникла столь опасная для интересов Лондона ситуация. Сам Пальмерстон был полон далеко идущих планов на этот год и не покладая рук работал над их реализацией. Продолжая возиться с идеей разжигания войны на севере России, британец упрямо делал ставку на проведение большой морской операции в Финском заливе. Используя полное бездействие русского флота на Балтике, он вознамерился ударить объединенными силами двух флотов по Кронштадту – главной морской цитадели врага, раз и навсегда уничтожив детище Петра Великого.

Пальмерстон свято верил в успех предстоящей операции, несмотря на некоторый скепсис со стороны британского адмирала Немира. Даже если Кронштадт и русский флот не будут уничтожены до конца, то благодаря победоносному набегу союзников обязательно возникнут предпосылки не только к восстанию против России финнов, но и к вступлению в войну Швеции. А это был весомый аргумент в нынешней войне.

Кроме этого, английский премьер самым решительным образом собирался надавить на Австрию, чтобы добиться ее согласия на пропуск через свою территорию французских войск, идущих на освобождение польских земель от русского владычества. Мощное восстание поляков, без всяких сомнений, полностью связало бы царя Николая по рукам и ногам, и тогда идея отделения от Российской империи Крыма и Малороссии приобрела бы куда более реальные черты, чем сейчас.

С идеей польского бунта Пальмерстон уже носился около десяти лет, придавая ему главное значение во всей войне, но, к его огромному сожалению, воз проблем оставался на прежнем месте. Несносные австрийцы не давали своего согласия на пропуск войск Наполеона, не находя в замыслах английского мечтателя никакой пользы для себя.

Сама мысль о том, что Наполеон может начать закулисные переговоры о мире с Николаем и тем самым оставить британцев один на один со страшным русским медведем, приводела лорда Пальмерстона в ужас. Нужно было что-то предпринять, и чем быстрее, тем лучше. В распоряжении английского премьера было довольно мало средств влияния на французского союзника, но Пальмерстон с честью сумел выйти из сложного положения и укротить строптивца.

Ради того, чтобы покрепче привязать французского императора, Лондон не погнушался разыграть настоящий политический спектакль с примесью водевиля, участие в котором приняли бы самые высокопоставленные персоны Британской империи. В апреле Наполеон был специально приглашен в Лондон с официальным визитом, где был принят при неслыханных овациях, манифестациях и прочих душевных излияниях в честь боевого союзника. Огромные толпы лондонцев приветствовали появление французского монарха бурными криками восторга. В честь высокого гостя в столице и главных городах Британии были даны салюты и фейерверки. Но, как показало время, это было только скромной прелюдией перед главным событием.

Во время торжественного приема, в присутствии многочисленной толпы, до отказа заполнившей залы Букингемского дворца, сама королева Виктория громогласно объявила указ о пожаловании дорогому союзнику высшей награды Британской империи – ордена Подвязки. Взяв в руки орден, королева низко наклонилась перед Наполеоном и собственноручно застегнула на императорской икре золотую орденскую пряжку, украшенную бриллиантами.

Это награждение потрясло императора до глубины души. Подобного знака внимания не удостоивался ни один из монархов и союзников Англии за все время существования этого высшего британского знака отличия. Так без единого выстрела Наполеон достиг того, чего никогда бы не смог получить его великий дядя.

После столь королевского подарка французскому императору следовало отдариваться, и Наполеон сделал это. В личной беседе с Пальмерстоном он заявил, что Севастополь будет непременно взят этим летом, а русский флот навсегда исчезнет из акватории Черного моря.

Пользуясь моментом, английский премьер выразил пылкую надежду на то, что союзная армия начнет наступление в Крыму и Малороссии, но получил уклончивый ответ относительно дальнейших военных планов. Луи заявил, что все в руках божественного провидения и потому не стоит торопиться.

Подобные речи очень огорчили лорда, ибо он искренне считал, что за столь высокий прием заморский гость должен был отдариться по более высокой цене. Мысленно обозвав французского императора мелким лавочником и скупердьяем, Пальмерстон с радостным выражением на лице провозгласил тост за боевое содружество двух великих европейских государств против азиатских дикарей.

Видя явное нежелание Наполеона действовать в этом году за пределами Крыма, британский премьер решил утереть нос своему несговорчивому союзнику и с этой целью взял под свой личный контроль новый морской поход на Балтику. Французский монарх ничуть не был против такого поворота событий и пообещал переподчинить свои линейные корабли первому лорду адмиралтейства.

После возвращения императора в Париж участь генерала Канробера как главнокомандующего союзными войсками под Севастополем была предрешена. Для выполнения данного англичанам обещания основателю Второй империи был нужен совершенно новый человек, не испытывавший страха перед севастопольскими бастионами и готовый без колебаний выполнить любой приказ императора.

Находясь наедине со своими мыслями и тревогами, Наполеон часто с горечью был вынужден признать, что Севастополь вот уже длительное время доставляет ему очень много неприятных хлопот. Слишком много ненужных разговоров о неудачах французского оружия в

этой войне идет в Париже в последние шесть месяцев, чем ослабляет боевой дух французской нации и имидж императора.

Поэтому Луи с удвоенной энергией стал тасовать колоду французского генералитета в поисках достойного кандидата на роль покорителя русской твердыни и вскоре нашел его. На этот раз выбор Наполеона пал на генерала Жан-Жака Пелисье, известного во французской армии своим рвением при выполнении приказов свыше. Этот генерал не останавливался ни перед чем ради выполнения приказа, охотно жертвуя простыми солдатами. Пелисье хорошо проявил себя во время военных действий в Алжире, умело подавляя мятежи арабского населения против французских оккупантов. Смирив зловредных смутьянов, генерал вызывал у мятежников дикий страх, применяя против них самые жесткие меры, которые только были возможны. Жителей алжирских деревень, которые были заподозрены в оказании сопротивления французам, по приказу Пелисье безжалостно уничтожали, невзирая на возраст и пол. После того как свыше трехсот человек были загнаны в пещеры Атласа и умерщвлены с помощью дыма, генерал получил от своих же солдат презрительную кличку «Коптильщик», чем он впоследствии очень гордился. Одним словом, это была энергичная, талантливая и очень способная личность, способная на многое, если не на все.

Приказ о назначении Пелисье главнокомандующим войсками «Антанты» в Балаклаву весной 1855 года привез генерал Реньо, личный посланник императора вместе с тридцатитысячным пополнением. Благодаря этому, общая численность союзных сил в Крыму достигла цифры в сто двадцать тысяч человек. Теперь осада Севастополя начиналась с удвоенной силой.

Глава III. Испытание на прочность

За те шесть месяцев, которые прошли с момента отъезда из Севастополя графа Ардатова, в городе произошли разительные перемены. Если в ноябре Севастополь еще сохранял определенные черты мирного города, волей случая вовлеченного в боевые действия, то уже к маю он был основательно потрепан осадой.

Здесь все, включая поблекшие стены домов и кривые улочки, недвусмысленно говорило о пришедшей в Севастополь войне. Сильнее всего ее приметы были заметны в южной части города, где чугунные ядра вражеских осадных батарей валялись тут и там на грязных щербатых мостовых, и идущие на позиции солдаты пренебрежительно пихали их ногами, выказывая тем самым свое презрение к смерти.

За прошедшие полгода люди так привыкли к непрерывному грохоту осадных батарей, разрывов бомб и свисту ядер, что полностью перестали обращать на это внимание. Они стали совершенно по-иному воспринимать смерть, которая из страшного слова теперь превратилась в назойливую муху, которая постоянно следовала за ними по пятам днем и ночью. Большинство севастопольцев выработали для себя какую-то особую философию, делавшую все страдания и невзгоды, связанные с войной, настолько привычными, что страх перед смертью отодвигался куда-то глубоко внутрь души человека.

Наступившая весна не принесла адмиралу Нахимову большой радости и уверенности в скорой победе. Сменивший на посту командующего Крымской армией князя Меншикова Михаил Дмитриевич Горчаков оказался ничуть не лучше своего светлейшего предшественника. Он так же, как и Меншиков, видел в Севастополе лишь ненужную обузу для сухопутной армии, на которую бездарно тратились и без того небольшие силы Крымской армии. Поэтому он сознательно назначил на место погибшего Корнилова не адмирала Нахимова, а генерала Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена, человека пунктуального и исполнительного в мелочах, но мало чем проявившего себя за время войны. Отправляя генерала в Севастополь, Горчаков дал ему первейший наказ о сохранении от напрасных потерь живой силы гарнизона, которая может понадобиться в дальнейшем для изгнания врага из Крыма.

Опытный в понимании того, что не было сказано большим начальством, но явно подразумевалось, Дмитрий Ерофеевич сразу уловил скрытую мысль командующего, но едва только он прибыл в осажденную крепость, как сразу же убедился в невозможности исполнения тайного пожелания Горчакова. На этом пути непреодолимой преградой стоял адмирал Нахимов, который ни за что не допустил бы оставления Севастополя противнику.

Вместе с полковником Тотлебенем Нахимов неустанно возводил все новые и новые оборонительные укрепления вокруг Севастополя, на который союзники почти ежедневно обрушивали град пуль, ядер и бомб. Особенно свирепствовали английские осадные мортиры. Из дня в день своим навесным обстрелом они методично разрушали русские оборонительные позиции, нанося ощутимый урон как гарнизону бастионов, так и резервам, которые были вынуждены находиться вблизи переднего края в ожидании возможной атаки врага.

Противостоять губительному обстрелу врага контрбатарейным огнем русские не могли. В севастопольском арсенале было достаточное количество орудий малого и среднего калибра, но крупнокалиберных мортир, которые могли на равных противостоять осадным батареям союзников, было очень мало. Кроме этого, русская артиллерия испытывала острую нехватку в порохе, ядрах и бомбах. Именно сейчас, словно в беспристрастном зеркале, стали видны все многочисленные огрехи России в этой войне. Если союзники имели бесперебойное снабжение провиантом и боеприпасами при помощи своих кораблей, то снабжение Севастополя было поставлено из рук вон плохо. Порох и ядра доставлялись сначала в Бахчисарай, а оттуда на арбах, запряженных медлительными волами, по непролазной грязи в сам Севастополь.

Единственным лучом светлой надежды в этой чудовищной эпопее снабжения для Нахимова был граф Ардатов, который в меру своих сил и возможности умудрялся за короткий срок проталкивать в осажденную крепость те или иные грузы. Так, узнав из письма адмирала, что зимние бури размывали морское дно перед входом в Севастопольскую бухту и разрушили подводное заграждение из затопленных кораблей, граф спешно прислал сорок подводных мин Якоби вместе со специалистом-минером. За короткий срок мины были установлены в нужном месте, и тем самым было предотвращено не только возможное проникновение вражеских кораблей в Севастопольскую бухту, но и новое затопление судов Черноморского флота. Однако даже эти деяния графа Ардатова были подобны капле в море. Для полнокровного снабжения Севастополя нужны были хорошие дороги, которых на этом направлении никогда не было.

Если союзники безраздельно господствовали на поле брани днем, то русские отводили душу частыми ночными вылазками. Наступление ночи всегда было сопряжено для союзников с возможной атакой врага в том или ином месте линии обороны. Как ни были бдительны французские и британские часовые, но они неизменно не замечали русских охотников, которые, подобно змеям, умудрялись бесшумно подползать к вражеским позициям и внезапно атаковать их. Дело доходило до того, что русские умудрялись с помощью аркана выхватывать вражеских солдат и офицеров не только из открытых окопов, но даже и из блиндажей. Было несколько случаев, когда пленные, схваченные за горло волосистой петлей аркана, погибали от удушья, пока русские охотники тащили их к своим позициям.

Частые ночные вылазки русских охотников приносили союзникам чувствительные проблемы не столько в материальном, сколько в моральном плане. Все, кто находился в передней линии окопов, испытывали сильный страх перед ночными рейдами русских. От этого страха с каждым месяцем осады росло число дезертиров, и если первое место среди солдат, покинувших свои боевые посты, занимали турки, то второе место прочно удерживали англичане.

В стане союзного командования за последние шесть месяцев произошли значительные изменения, но не в плане командного состава. По настоянию английского инженер-генерала Джона Бургоэна было изменено стратегическое направление наступления на русские позиции с целью одержания полной победы над противником. Если раньше направлением главного удара сил коалиции являлся Четвертый бастион, переименованный по приказу царя в Корниловский, то теперь им стал Малахов курган. Именно занятие этой важной высоты давало возможность союзникам вести артиллерийский огонь по гавани, Корабельной стороне и понтонным мостам на Северную сторону, а также обстреливать оборонительную линию с тыла, что заставило бы русских оставить всю южную часть города. Взятие же Третьего и Четвертого бастионов Севастополя было сопряжено с большими трудностями и потерями, и в случае успеха противники могли рассчитывать только на овладение Городской стороной.

Изменение осадной стратегии было принято в феврале под нажимом императора Наполеона, и французы принялись возводить на подступах к кургану дополнительные мортирные батареи. Их действия не остались незамеченными со стороны полковника Тотлебена, который быстро разгадал намерения врагов и в противовес им начал сооружать новые оборонительные рубежи, которые должны были препятствовать штурму Малахова кургана.

Под непрерывными атаками и обстрелами французов русскими солдатами и матросами в считанные дни были сооружены Селенгинский, Волынский и Камчатский редуты, чьи орудия надежно преграждали союзным войскам дорогу на курган. В ответ англичане и французы начали усиленно возводить новые параллели и ложементы напротив русских позиций, стремясь сократить расстояние, разделяющее противоборствующие стороны. Обстрелы и ночные атаки русских непрерывно чередовались, пока не наступило некоторое равновесие, и лишь тогда над позициями противников повисло затишье.

Пока шло обустройство новых позиций, русская сторона понесла огромную утрату. В марте при возвращении с Камчатского люнета погиб командир Малахова кургана, контр-адми-

рал Истомин, убитый случайным ядром. Владимир Иванович был правой рукой адмирала Нахимова во всех делах, связанных с обороной Севастополя, и вместе с полковником Тотлебенем составлял тот малый кружок командиров, благодаря которому Севастополь держался все это время. При большом стечении защитников Севастополя тело погибшего было похоронено в храме святого Владимира, где уже нашли свой последний приют адмиралы Лазарев и Корнилов. Нахимов со слезами на глазах простился с другом, которому уступил место в соборе, ранее оставленное для себя. Горе Павла Степановича было столь сильным, что указ императора Николая о произведении в полные адмиралы был встречен им с абсолютным равнодушием. Нахимов уже окончательно похоронил себя и ждал только своей неизбежной смерти на севастопольских бастионах.

Затишье между противниками продлилось недолго, и в начале апреля союзники подвергли Севастополь массивной бомбардировке из всех осадных орудий. Это была вторая с октября прошлого года попытка принудить русских к отступлению с занимаемых позиций при помощи артобстрела. В течение десяти дней противник вел непрерывный обстрел севастопольских укреплений, поочередно громя то Третий, то Четвертый бастион, то переноса огонь осадных мортир на Камчатский люнет и Малахов курган.

В первый день русские наблюдатели заметили активность вражеского флота, который поднимал паруса и разводил пары, однако, помня результат прежнего противостояния с русскими береговыми батареями, французские и британские адмиралы не рискнули попытаться еще раз. Все вражеские корабли так и остались в Камышовой бухте, ограничившись лишь подвозом бое припасов и безрезультатным обстрелом русских позиций, оказавшихся в зоне их пушек.

Благодаря самоотверженному труду и старанию защитников Севастополя все разрушения, производимые огнем осадных батарей, успешно ликвидировались в ночное время суток. Разбитые врагом пушки заменялись новыми орудиями, восстанавливались брустверы и амбразуры, пополнялись поредевшие ряды гарнизонов бастионов. И вновь, как в октябре, русские отвечали своим огнем на огонь вражеских батарей, заставляя их замолчать хоть на время.

Выпустив огромное количество бомб и ядер, союзники были готовы полностью отказаться от своих намерений одержать верх при помощи одной бомбардировки, ввиду ее полной неэффективности. Генерал Пелисье был в ярости, наблюдая в подзорную трубу за русскими позициями и не находя их видимого разрушения. На военном совете, собранном после окончания очередной бомбардировки, новый главнокомандующий в форме, приличествующей скорее капралу, чем генералу французской армии, обрушился с гневными упреками на генерала Нивье, автора этого плана.

– Следует напомнить вам, генерал, во сколько тысяч золотых франков обошлась казне ваша идея усмирить русских огнем наших батарей! Император Наполеон Первый потратил меньше денег на свои победы при Ваграме и Аустерлице, чем мы за эти десять дней обстрела Севастополя.

Сидевшие напротив Пелисье генералы хмуро опустили головы. В глубине души они не были согласны с мнением своего командира, но, к своему огромному сожалению, ничего не могли противопоставить словам Пелисье. Русские бастионы действительно остались несломленными, несмотря на все старания английских и французских пушкарей.

– Исполняя волю нашего любимого императора, я намерен разбавить делом наше расточительное сидение под стенами проклятого Севастополя и потому в скором времени отдам приказ о штурме русских укреплений на подступах к Малахову кургану.

– Штурмовать Зеленый холм?¹ Да можно ли об этом думать? – воскликнул Канробер. – Ведь это будет целое сражение!

¹ Так французы называли Камчатский люнет.

– Прекрасно, – холодно бросил Пелисье. – Пусть будет сражение, но этот холм мне нужен.

Сидевшие перед ним генералы с удивлением переглянулись между собой, но никто не посмел возражать командующему. Приказ был получен, и его следовало исполнять.

Вот в такое беспокойное время приехал в Бахчисарай граф Ардатов, до этого усиленно фланировавший между Москвой, Нижним Новгородом и Ростовом, пытаясь реализовать свои планы, о которых в полном объеме мало кто знал за исключением самого Ардатова и императора Николая. Подобная секретность была обусловлена не столько умелыми действиями вражеских шпионов, сколько безудержной болтовней придворных и тех, кто по своей службе был обязан следить за сохранностью государственных тайн.

Появление Ардатова в Бахчисарае было сразу отмечено громким инцидентом, который получил огромный отклик среди простых солдат и офицеров. Одетый в мундир пехотного капитана, граф прибыл на простой почтовой бричке вместе с двумя адъютантами. Войдя в дом, где располагалась интендантская служба Крымской армии, он скромно спросил, где ему можно найти господина Свечкина, обеспечивающего снабжением Владимирский полк.

– Я вас слушаю, – холодно сказал раскормленный интендант, не распознав в Ардатове высокого начальника, что было совершенно нетрудно. За двое суток тряски на почтовом тарантасе граф полностью утратил столичный лоск и мало чем отличался от простого армейского офицера.

– Могу ли я получить деньги для полка по требованиям? – почтительно спросил Ардатов, вынимая из кармана кителя бумаги.

– Получить-то вы можете, но все будет зависеть от вас самих, – глубокомысленно ответил чиновник, мельком оценив внешний вид графа.

– Мне бы сегодня деньги получить, – смиренным голосом попросил интенданта Михаил Павлович. – Люди сильно на позициях голодают.

Чиновник сочувственно покивал головой, а затем ласково произнес:

– Ну, так и быть, господин капитан, помогу вам получить деньги для вашего героического полка, но вот только какой вы процент положите за это дело?

Услышав эти слова, Ардатов изобразил на лице полное непонимание:

– Какие проценты? С чего? Объяснитесь, пожалуйста!

– Я говорю, сколько вы мне заплатите за выдачу ваших денег? – наставительно произнес интендант. – Обычно мне платят восемь процентов, но, учитывая вашу геройскую часть, могу взять и поменьше. Так и быть, согласен на шесть процентов.

– Да как вам не стыдно солдат обирать, господин Свечкин! – воскликнул Ардатов – Они там жизни свои кладут ради родины и царя-батюшки, а вы их содержание воруете!

Ардатов оглянулся за сочувствием и поддержкой к находившимся в комнате офицерам, но те только стыдливо отвели в сторону глаза.

– Дожили вы до седых волос, господин капитан, а ума так и не нажили, – язвительно бросил чиновник, нисколько не стыдясь брошенного ему упрека. – Что же я буду за дурак, если буду деньги за так давать? Нужны деньги – заплати и бери. И нечего на меня так смотреть. Я и так вам божеский процент назначаю, у других не шесть процентов, а все двадцать отдадите.

– А вот об этом можно и поподробнее, – ласково произнес Ардатов и заговорщицки подмигнул чиновнику.

– Вы, господин хороший, дело говорите, а если шутить намерены, то в другой раз приходите, дела у меня, – раздраженно бросил сбитый с толку чиновник.

– Не будет у вас больше дел, господин Свечкин, – сочувственно пообещал Ардатов и громким голосом обратился к находившимся в комнате офицерам: – Господа офицеры! Будете свидетелями о том, что мне говорил господин интендант!

Подобные сцены, видимо, были не в новинку для Свечкина за долгие годы его службы, и потому вместо испуга на его лице появилась самодовольная улыбка. С чувством полного превосходства он произнес:

– А ты еще громче покричи, может, тогда толк и будет!

– Ну что же, можно и погромче, – моментально согласился Ардатов и звонко прокричал: – Косоротов, Рыжкин, ко мне!

В эту же минуту входная дверь с грохотом отворилась, и в помещение вломились два высоких крепких молодца, которые были пригодны только для одного дела – хватать и тащить.

– Здесь мы, ваше сиятельство! – громогласно доложил Косоротов и, бросив на ошалевшего интенданта Свечкина хищный взгляд, коротко и буднично спросил: – В железо?

– В железо, голубчик, в железо! – подтвердил граф, и два адъютанта для специальных поручений молниеносно выдрали интенданта из уютного кресла и, прислонив к стенке, стали сноровисто обдирать мундир господина Свечкина, которому все происходящее показалось каким-то кошмарным сном. Не в силах сопротивляться железным рукам ардатовских молодцев, он только тонко визжал, и на его визг моментально сбежался служилый народ, отчего в просторном помещении сразу стало тесно.

– Произвол! Беззаконие! Рукоприкладство! Пристава скорее! – гневно выкрикивали собраты пострадавшего интенданта, явно сбитые с толку капитанским мундиром Ардатов.

– Молчать! – гаркнул Михаил Павлович, и крапивное племя моментально притихло, нутром признав по голосу очень высокое начальство. – Я, граф Ардатов, личный посланник императора Николая Павловича, в присутствии свидетелей уличил господина Свечкина в казнокрадстве и взяточничестве. Согласно полученному от государя именному предписанию на проведение ускоренного суда в условиях военного времени признаю господина Свечкина виновным в обозначенном преступлении и приговариваю его к девяти годам каторги в Сибири. А также к лишению всех чинов и наград, с последующим понижением в правах на получение государственного пособия, – говорил Ардатов, властно чеканя слова, которые приводили господ интендантов в ужас. – Косоротов, возьми показания у господ офицеров, оформи бумаги и отошли в Петербург с фельдъегерем. Господ интендантов, желающих проверить мои властные полномочия, прошу подойти ко мне.

Тут Ардатов расстегнул мундир и энергичным движением руки вытащил из внутреннего кармана именной указ. Едва только казенная бумага была извлечена на свет божий, как набежавшая толпа вмиг исчезла. Перед графом остались только офицеры, призванные им в свидетели, господин Свечкин и еще один человек в походном плаще, которого Ардатов повстречал на пути в Бахчисарай и, узнав о бедственном положении Владимирского полка по части снабжения, немедленно взялся помочь. А так как капитан Турчин был одной комплекции с графом, Ардатов моментально надел его мундир и, взяв бумаги, отправился добывать деньги.

Однако одним арестом господина Свечкина дело не закончилось. Ардатов громогласно объявил о том, что он остановился на постоялом дворе, и попросил офицеров обращаться к нему за помощью при затруднениях в получении казенных денег на пропитание. Стоит ли говорить, что в этот день господа интенданты были самыми честными и обходительными людьми!

Но и этим коварство графа в отношении интендантов не ограничилось. Бедолагу Свечкина Ардатов отправил на ночь не в местную тюрьму, а на гауптвахту пехотного полка, где с тем случилось несчастье. Узнав, что у них под замком сидит казнокрад, долгое время пивший солдатскую кровь, нижние чины самовольно устроили ему темную, да так перестарались, что забили арестованного до смерти.

С ужасом офицеры полка и сами виновники инцидента утром следующего дня ждали прибытия графа за своим арестантом. Среди нижних чинов уже был избран человек, который был готов принять ради мира наказание за смерть арестанта, но Ардатов вновь всех ошелолил. Внимательно осмотрев основательно избитое тело интенданта, он вызвал врача и прика-

зал немедленно выписать свидетельство о смерти для скорейшего погребения. Когда же испуганный эскулап спросил, что указывать в причине смерти, Ардатов удивился:

– Как что, милейший? Ясно же видно, что арестант сильно переживал за свой омерзительный проступок перед государем и скончался от апоплексического удара. – И добавил, еще раз глянув на разбитое лицо казнокрада: – Ох и сильный был удар, однако!

Этот случай моментально облетел не только Бахчисарай, но и всю Крымскую армию. Как это часто бывает в жизни, арест Свечкина оброс такими фантастическими подробностями, что для господ интендантов не стало врага злее и страшнее, чем граф Ардатов. Тут же Михаилу Павловичу припомнили его прошлогодние «зверства» над севастопольскими интендантами, и чиновникам совсем поплохело. Отныне граф стал мерещиться им в каждом незнакомом им визитере.

Однако став зверем и аспидом для интендантов, для простых офицеров и солдат Ардатов был чуть ли не своим человеком. Эту репутацию укрепили две его поездки по стоящим у Бахчисарая полкам. Ардатов специально приезжал в них к обеду и, к ужасу начальства, просил подать ему пищу из солдатского котла, которую стоически пробовал на глазах у всех. О последующих выводах не стоит говорить: они были печальны как для начальства, так и для артельщиков.

Подобные действия императорского посланца вызвали сильное недовольство командующего Крымской армией Михаила Дмитриевича Горчакова. Во всех действиях Ардатова старший генерал-адъютант видел скрытый подкоп под себя. Вскоре, во время представления графа Ардатова Горчакову как личного посланника царя, князь попытался поддеть его.

– Что, Михаил Павлович, воробушка съел? Так их много летает, всех не переловить, – язвительно сказал Горчаков, намекая на историю с интендантом Свечиным и то, что Ардатов, по мнению генерала, занимался делом, явно недостойным его чина и положения.

– Так для одержания скорой победы над супостатом нужны здоровые и сильные солдаты, господин генерал. А то, чего доброго, в нужный момент они ружье держать не смогут от недоедания, – парировал Ардатов. – Посмотрел я недавно, как лечат раненых в наших госпиталях, и диву дался. До чего же живуч и вынослив наш солдат! Бинтов нет, лекарств нет, кормят черт знает чем, а он еще на поправку идет. Чудеса, да и только!

Услышав о нарушениях в госпиталях, Горчаков сразу насупился и присмирел. Ему было неудобно, что приехавший Ардатов сразу занялся инспекцией госпиталей, тогда как сам князь до сих пор не удосужился посетить хоть один лазарет.

– Руки не доходят, ваше сиятельство, разобраться с госпиталями. Слышал, что непорядки там творятся, но вот все недосуг было. Все воруют, проклятые, а честных интендантов сыскать невозможно, – стал оправдываться командующий, поскольку царский посланник ходил возле очень скользкой темы – злоупотребления служебным положением. К этому виду проступка государь был очень строг и мог покарать кого угодно, невзирая на чины и звания, если вина человека была доказана.

Видя примирительный настрой командующего, Ардатов не стал дальше развивать эту тему разговора, и конфликт, казалось, был исчерпан. Однако вскоре мнения двух Михайлов вновь столкнулись, и повод для этого был куда более серьезный – решалась судьба Севастополя.

Исполняя приказ Пелисье о штурме русских позиций, в последних числах мая союзная артиллерия стала яростно обстреливать Камчатский люнет вместе с двумя другими русскими редутами, и здесь наглядно сказалось ее преимущество в мортирах. Находясь в надежном укрытии, орудия методично разрушали передние фасы русских укреплений, выводя из строя пушки и заваливая амбразуры. Русские батареи мало что могли противопоставить огневой мощи противника. Если в противостоянии с открытыми батареями они еще могли сбить или разрушить орудия, то против осадных мортир они были бессильны.

О приготовлениях неприятеля к штурму Камчатского люнета русским сначала донесли дезертиры, а затем это же подтвердили и наблюдатели, заметившие большое скопление солдат в траншеях французов. Об этом было немедленно доложено генералу Жабокритскому, командовавшему обороной этого участка вместо погибшего Истомина, но, к всеобщему удивлению, тот не стал усиливать гарнизон редутов. В течение всего дня Жабокритский только лихорадочно слал рапорты Остен-Сакену, который также никак не реагировал на возникшую угрозу. Оба генерала полностью разделяли мнение Горчакова о необходимости сдачи Севастополя ради сохранения армии.

На следующий день, в самый разгар артиллерийской канонады, Жабокритский внезапно сказался больным и, сев на лошадь, стремительно уехал на Северную сторону, оставив вверенный ему участок обороны без командования.

Когда это стало известно Нахимову, то он в категорической форме потребовал от Остен-Сакена замены Жабокритского Хрулевым и срочной посылки подкрепления на люнет и редуты. После этого, не желая мириться с предательским равнодушием начальства, Нахимов сам отправился на Камчатский люнет с тайной надеждой принять смерть на поле боя, чтобы избежать позора оставления родного города.

Общий штурм русских позиций начался в шесть часов пополудни, по сигналу ракеты. Французские штурмовые колонны сразу устремились в атаку на русские позиции и, пользуясь своей численностью четыре батальона против одного, смогли быстро сломить сопротивление защитников Волынского и Селингинского редутов.

Развивая возникший успех, они попытались продвинуться в глубь русских позиций, но были остановлены русскими резервами, которые привел принявший командование Хрулев. При отражении неприятеля русские смогли захватить две гаубицы, которые французы неосмотрительно выдвинули вперед для поддержания своей атаки.

Камчатский люнет атаковали сразу три колонны французских стрелков, которые, несмотря на ураганную картечь, стремительно бежали вперед. Не обращая внимания на убитых и раненых, французские зуавы, составляющие ударную силу центральной колонны полковника Брансиона, приблизились к люнету и, перескочив через ров, стали врывать внутрь сквозь амбразуры.

Завязалась отчаянная рукопашная борьба между защитниками люнета и алжирскими стрелками. В центре борьбы находился адмирал Нахимов, которого полтавцы и моряки окружили стальным кольцом штыков и неоднократно бросались врукопашную, спасая своего горячо любимого начальника от зуавов. Неизвестно, как долго триста пятьдесят русских солдат могли бы противостоять почти двум тысячам французов, но в этот момент английские мортиры открыли ураганный огонь, который нанес больший урон рядам зуавов, чем защитникам укрепления.

Английские бомбы пощадили Нахимова, хотя один из осколков больно ударил его в спину, и адмирал упал. Моряки тотчас же подхватили его под руки и, не обращая внимания на протесты, унесли с люнета, прикрывая своими телами.

Заметив отступление русских в сторону Четвертого бастиона, французы сначала захватили оставленный люнет, а затем бросились преследовать их, намереваясь с ходу захватить и Корниловский бастион. Под картечным и ружейным огнем зуавы все же смогли достичь неглубокого рва бастиона, но были остановлены огнем с Малахова кургана и других близлежащих батарей. От русской картечи погибли командиры штурмующих колонн полковники Леблан и Брансион. Лишившись своих командиров, зуавы сразу залегли, хотя с десятков смельчаков все же взобрались на вал бастиона, но тут же были подняты на штыки и сброшены в ров.

Гарнизон бастиона открыл ураганный огонь по залегшим солдатам противника, а подошедшие батальоны Черниговского полка своей контратакой не только отогнали французов от

бастиона, но даже смогли выбить их из Камчатского люнета, захватив при этом в плен до трехсот человек.

Убедившись, что люнет в наших руках, генерал Хрулев с частью солдат устремился к Килен-балке, где у наступавших вместе с французами англичан наметился определенный успех. Полковник Шарлей во главе отряда из четырехсот человек сумел приблизиться к линии бастионов и под прикрытием штуцерных стрелков попытался ворваться на русские позиции. Появление черниговцев во главе с Хрулевым, атаковавших неприятельские цепи фланговым ударом, исправило положение, и противника отбросили на исходные позиции.

В это время по личному приказу генерала Пелисье, желавшего обязательно одержать победу, силами двух бригад корпуса генерала Боске, стоявших в резерве, была организована новая атака на Камчатский люнет. Перед этим англичане в течение получаса обстреливали люнет из своих мортир, не давая русским исправить полученные ранее разрушения и расклепать забитые врагом пушки.

С громким криком «вива ля Франс!» алжирские стрелки ворвались на бруствер Камчатского люнета, устилая своими телами ров и близлежащие подступы к нему. Несмотря на численное превосходство врага, защитники люнета смело приняли неравный бой и отошли только после гибели своих командиров капитана Шестакова и майора Беляева. Наученные горьким опытом французы не стали преследовать отступавших, ограничившись только частым ружейным огнем.

Весть об атаке врага наших передних позиций застала Ардатова на подъезде к Севастополю. Услышав о падении Камчатского люнета, атаке Корниловского бастиона и контузии Нахимова, граф пустил в галоп своего коня и еще засветло прибыл на Южную сторону.

Доклад Тотлебена и Нахимова о положении дел произвел на Михаила Павловича угрожающее впечатление. Узнав о поведении Жабокритского, чья трусость во многом способствовала успеху врага, Ардастов немедленно потребовал генерала к себе и, не стесняясь присутствия посторонних, высказал генералу все, что он о нем думал. В этот момент на Жабокритского было жалко смотреть. Если бы Нахимов или Тотлебен поддержали бы Михаила Павловича хоть одной репликой осуждения, то граф тут же обвинил бы генерала в предательстве со всеми вытекающими последствиями. Но оба севастопольских патриота молчали, проявляя сочувствие к человеку, который своими действиями его совершенно не заслужил.

– Думаю, что вопрос о вашем дальнейшем пребывании в действующей армии, господин Жабокритский, будет решен в самое ближайшее время, – молвил Ардастов, закончив свой разнос.

Но за Жабокритского неожиданно вступился Остен-Сакен, говоря, что, возможно, не стоит торопиться с выводами о не совсем удачном командовании.

Именно в этот день Ардастов впервые воспользовался своим рангом личного посланника императора, поскольку генерал Остен-Сакен был равен Ардастову по чину и являлся начальником севастопольского гарнизона. Едва только Дмитрий Ерофеевич открыл рот, граф, невзирая на чины, напрямую спросил, собирается ли тот оборонять Севастополь или намерен сдать город врагу, преступно сокращая гарнизоны передовых укреплений.

В обычных условиях подобное обращение к равному по званию человеку было немыслимым, но Дмитрий Ерофеевич хорошо помнил, кто перед ним стоит, и потому даже не попытался одернуть Ардатова. От столь щекотливого вопроса, заданного в лоб, да еще в присутствии двух главных инициаторов обороны города, Нахимова и Тотлебена, генерал сразу скис и залепетал такую ахинею, что Нахимов, гневно сверкнув глазами, демонстративно покинул комнату. Вслед за ним на свежий воздух вышел и сам Ардастов, затем Тотлебен, Хрулев и князь Васильчиков, и наедине с Жабокритским остался лишь Остен-Сакен.

– Что будем делать, Павел Степанович? Попытаемся отбить у врага наши позиции или оставим их врагу? – напрямую спросил Ардатов, едва догнав адмирала на улице, и сразу получил не менее прямой ответ:

– При сложившихся обстоятельствах не вижу никакого смысла в наступлении, ваше превосходительство. Пытаясь отбить люнет, мы будем двигаться в гору под непрерывным огнем противника, что принесет нам огромные потери при весьма сомнительном результате. Как ни прискорбно это говорить, но я категорически против атаки на Камчатский люнет, – с горечью ответил Нахимов.

– Я тоже категорически против атаки на люнет, ваше превосходительство, – вслед за адмиралом высказал свое мнение генерал Хрулев, которого было очень трудно заподозрить в трусости.

Его немедленно поддержали Тотлебен и Васильчиков. Все они в один голос заявляли, что попытки отбития позиций приведут к непоправимому ослаблению севастопольского гарнизона перед явно намечающимся общим штурмом города.

– Одержав победу сегодня, Пелисье, разумеется, не пожелает остановиться на достигнутом успехе и непременно попытается взять Севастополь в самое ближайшее время. Тут и к гадалке ходить не надо, все ясно, – сказал Нахимов, и все присутствующие генералы полностью согласились с его выводом.

Ардатов тоже был согласен с этим мнением, но пример с Жабокритским его очень сильно взволновал. Если ранее он был полностью спокоен за судьбу Севастополя, пока в нем находился Нахимов, то теперь его прежние убеждения пошатнулись. Поэтому на другой день граф спешно отъехал в Бахчисарай, намереваясь поговорить с Горчаковым о назначении Нахимова главой обороны города. Однако, как ни был быстр конь, доставивший его в ставку командующего Крымской армией, Горчаков уже оказался прекрасно осведомлен о случившемся инциденте. Поэтому он встретил запяленного графа во всеоружии начальственного гнева.

– Не по чину командуешь, Михаил Павлович! – с места в карьер начал Горчаков. – Хотя ты и царский посланник, но бесчестить боевого генерала в присутствии других и угрожать ему отставкой – это уже слишком! Знай свой шесток!

Ардатов был тертый калач в подковерных интригах и потому молчал только первую минуту, а затем, воспользовавшись тем, что собеседник взял паузу, чтобы вдохнуть в грудь воздух, сам перешел в контратаку.

– Так что же, за самовольное оставление своего поста, сказавшись больным, ему Георгия на грудь вешать?! Видел я этого больного! Здоров как бык! И только благодаря его мнимой болезни в самый важный момент на переднем крае не было командира и французы чуть было не ворвались в город. Что это? Глупость, трусость или, еще того хуже, измена?

– Да что ты несешь, граф? Белены объелся? Какая еще такая измена? – взвизгнул Горчаков, но Ардатов не дал ему возможности продолжить.

Он рывком приблизился к генералу и, гневно глядя ему в глаза, с придыханием произнес:

– А это уж государь пусть сам решит, Михаил Дмитрич, как оценивать деяния генерала Жабокритского. Донесение свое, вкупе с рапортами адмирала Нахимова, генерала Хрулева и полковника Тотлебена, я уже отослал вместе с фельдъегерем в столицу. Подождем и узнаем, кто из нас прав.

– Фельдъегеря в столицу? Да ты в своем ли уме, Ардатов? Его только я могу в столицу послать! Я, и никто другой! Да за нарушение устава и артикля я тебя под арест могу упечь! – продолжал гнуть свое Горчаков.

Но Ардатов опередил новую гневную тираду князя.

– Да не серчай ты так, Михаил Дмитриевич! По уставу ты полностью прав, это я полностью признаю. Да вот только право на посыл фельдъегеря мне сам государь дал, ибо я направ-

лен сюда, чтобы надзирать за всем происходящим и сразу докладывать, если что не так случится. Вот я ему и доложил, работа у меня такая.

От возмущения грудь старого генерала быстро заходила взад-вперед, но, боясь сболтнуть лишнего царскому фискалу, он только бросил на него гневный взгляд. Граф точно угадал мысли генерала и миролюбиво произнес:

– Успокойся, Михаил Дмитриевич. Не доносы я на тебя строчить приехал, а исправлять огрехи, которые могут сыграть на руку врагу.

– Это какие такие огрехи? Назови! – запальчивым петухом взвился генерал.

– Да назначение на ответственные должности безответственных людей. Вместо Нахимова Остен-Сакена назначил, вместо Хрулева – Жабокритского. Вот и результат – потеря передней линии обороны. А почему? Потому что численность гарнизона редутов и люнета была сокращена до одного батальона, а резервы находились далеко и в любом случае не успевали прийти на помощь. Это, конечно, не измена, а простая дурь, но из-за нее мы чуть было Севастополь не потеряли.

При упоминании о Севастополе лицо генерала скривилось, но Ардатов сделал вид, что не заметил этого.

– На носу новый штурм города, по всем признакам французы хотят взять Севастополь к очередной дате сражения при Ватерлоо, есть у Луи Наполеона такая страстишка. Поэтому, я думаю, для пользы дела надо быструю рокировку произвести и поменять местами Нахимова и Ерофеича.

– То мне решать, кого куда ставить и назначать! – взвился Горчаков, но теперь уже не на столь высоких тонах.

– Конечно, тебе, Михаил Дмитриевич. Только тебе, но и спрос с одного тебя будет, если Севастополь падет. Мое дело маленькое, я только предупредил, а уж решать тебе, – многозначительным тоном произнес Ардатов, и генерал сразу осел.

Судьба светлейшего князя Меншикова, отправленного государем в отставку из-за неудач под Севастополем, ярким примером замаячила перед глазами Горчакова.

Увидев, что его стрела попала точно в цель и собеседник смущен и растерян, граф немедленно поспешил прийти на помощь с готовым решением.

– Ты, Михаил Дмитриевич, утверди предложенные мною назначения, и я с ними в Севастополь тотчас уеду. Если отстоим город, я перед государем за тебя похвальное слово замолвлю. Это я тебе как перед Богом обещаю. А возьмет враг город, так ты на меня мертвого все спишешь, поскольку живым из Севастополя я не уйду.

Услышав столь необычное предложение из уст царского посланника, Горчаков вначале с опаской глядел на графа из-под стекол очков, а затем спросил с недоверием:

– Слово?

– Слово, Михаил Дмитриевич. Ведь ты знаешь, что я своего брата, боевого генерала, никогда не подставлял.

Горчаков еще некоторое время обдумывал предложение Ардатова, стараясь то ли найти скрытый подвох, то ли придумать что-то свое, но, так ничего не придумав, махнул рукой и произнес.

– Ну, коли так, тогда я согласен, Михаил Павлович, но только если что, ты уж не взыщи.

– Договорились! – сказал граф. – Сейчас секретаря кликнем, напишем приказ, и я поеду.

– Что же, даже не отобедаешь? – удивился Горчаков, но Ардатов был неумолим.

Сейчас же на его зов явился секретарь, через двадцать минут приказ о замене Остен-Сакена на Нахимова был подписан, и граф тут же покинул Бахчисарай.

То, что Пелисье будет штурмовать Севастополь именно в день битвы при Ватерлоо, Ардатов угадал точно. Именно в этот день французский главнокомандующий решил взять Севастополь и тем самым доставить своему императору огромную радость.

На общем собрании сил коалиции было решено, что французы будут наносить главный удар по Первому и Второму бастиону, Малаховому кургану, а англичане нанесут вспомогательный удар по Третьему бастиону. Правую штурмовую колонну возглавил генерал Майран, командование центральной колонной Пелисье доверил Брюне, левой же командовал генерал Отмар. У англичан штурмовыми батальонами командовал Гербильон, а общее командование вел генерал Сент-Анжели.

Все французские генералы высказали сомнение в успехе назначенного Пелисье штурма, что вызвало у него приступ дикого гнева. Позабыв обо всем, он гневно кричал подчиненным, что во что бы ни стало сломит их сопротивление воле великого Бонапарта.

– Вы слепы, Брюне, в своем страхе перед русскими! Неужели вы не видите, что их пыл к сопротивлению ослаб, как истощился запас боеприпасов и в особенности пороха? Сейчас, после падения укреплений передней линии обороны, они уже не столь тверды в своем намерении отстоять город. Новых подкреплений гарнизон Севастополя не получил и, значит, не сможет достойно сопротивляться нашему натиску. Длительной бомбардировкой русских позиций мы принудим их к молчанию и без особого труда возьмем этот проклятый город.

Подобное упрямство Пелисье объяснялось требованием Парижа прекратить попытки штурма города, которые приносят союзной армии одни лишь потери. Планировалось двинуться на Крымскую армию Горчакова и, используя свое численное превосходство, разбить ее, занять Симферополь и полностью отрезать Севастополь с суши и моря. «Африканский генерал» был категорически не согласен с подобным приказом императора и потому так торопил своих подчиненных, твердо веря в то, что победителей не судят.

При обсуждении плана наступления досталось даже британскому лорду Реглану, предлагавшему атаковать одновременно во многих местах и тем самым не дать русским возможность маневрировать своими скудными резервами. Однако Пелисье быстро оборвал фельдмаршала.

– Нам нужен только один крепкий удар, который разом взломает русскую оборону и позволит овладеть Малаховым курганом, – грозно изрек генерал, яростно сверкнув глазами.

Единственным, кто попытался возразить «африканцу», был герой Альмы и Инкермана генерал Боске, резонно указывающий на большое удаление позиций коалиции от русских позиций, что давало севастопольцам фору во времени для отбития штурма. Однако Пелисье не пожелал его услышать. Он был настроен только на победу.

Опасаясь того, что Боске по телеграфу может обратиться напрямую к императору с просьбой об отмене штурма, и в ответ Наполеон пришлет категорический приказ идти на Симферополь, Пелисье поставил Боске во главе резерва, который должен был прикрывать тылы союзников на случай внезапного удара русских. Так закончилось это историческое совещание у упрямого генерала.

За день до наступления очередной годовщины Ватерлоо французские и английские орудия в течение дня вели непрерывную бомбардировку Севастополя, направляя свой огонь на Корабельную сторону, Четвертый бастион, батареи Северной стороны и рейд. Их огонь был столь результативным, что к полудню на Малаховом кургане, Первом и Втором бастионах и ближайших батареях половина амбразур была завалена, и многие орудия и их прислуга выбыли из строя.

Вслед за этим неприятель перенес огонь на Городскую сторону. Вместе с осадными батареями в этой бомбардировке приняли участия пароходы неприятеля, но без особого результата. Стрельба продолжалась до самого вечера.

Из-за острой нехватки пороха нашим артиллеристам было приказано отвечать одним залпом на три вражеских, что, впрочем, не помешало в самом начале дуэли уничтожить два пороховых склада врага. Однако к трем часам дня все русские батареи по приказу Нахимова замолчали, что было немедленно расценено Пелисье как слабость защитников.

Наблюдая с самого утра за ужасной канонадой осадных батарей, генерал с каждым часом становился все более уверенным в скором успехе штурма.

– Смотрите, – азартно кричал он своим оппонентам, указывая в сторону притихшего Севастополя, – почти все русские верки или разрушены полностью или серьезно повреждены огнем наших орудий! Все их пушки приведены к молчанию, а короткая летняя ночь не позволит им полностью восстановить свои поврежденные укрепления. То же, что уцелело сегодня и что они успеют исправить ночью, будет полностью уничтожено завтра утром после двухчасовой бомбардировки!

К вечеру уверенность Пелисье настолько возросла, что он решил не проводить утреннюю бомбардировку, а атаковать русские позиции на рассвете. Лорд Реглан полностью поддержал его мнение. В подзорную трубу были отлично видны многочисленные разрушения русских батарей, а их молчание было явным доказательством слабости противника.

– Я полностью уверен, что русские выдохлись, и нисколько не удивлюсь, если завтра утром они выкинут белый флаг при виде наших колонн, идущих на штурм крепости. Это было бы единственное разумное решение, – сказал британский фельдмаршал, и его слова моментально разнеслись по всему английскому лагерю.

С этого момента все только и говорили, что взятие Большого редана – так англичане называли Третий бастион – всего лишь вопрос времени. «После этого падет Севастополь, мы двинемся на Бахчисарай, где разобьем Горчакова, и тогда весь Крым будет наш. Мы твердой ногой станем на юге России, турки захватят Тифлис с Грузией, и русская военная мощь будет окончательно сокрушена». Так думали гордые британцы и в душе молили только об одном, чтобы лорд Пальмерстон раньше времени не заключил мир с уже наполовину разбитым русским царем.

Все европейцы были уверены в своей скорой победе. Бравые лондонские и парижские репортеры уже набрасывали черновики своих победных статей. Среди армейских офицеров заключались пари, кто первый ворвется в Севастополь и предотвратит поджог города русскими, как это было сделано в Москве в 1812 году.

Такое же настроение было и у вождей коалиции. Как же они удивились бы, если бы узнали, какие мысли высказывались в штабе обороны крепости! Адмирал Нахимов был полностью уверен, что Севастополь будет удержан даже теми немногочисленными силами, которыми он располагал. Павел Степанович буквально лучился энергией и уверенностью и того же требовал от своих подчиненных.

– Я прикажу каждого, кто будет находиться в унынии, нещадно пороть шомполами, а того, кто только заикнется об отступлении, немедленно расстреляю как изменника! – говорил Нахимов, и его слова лучше всяких иных средств вселяли в защитников города уверенность в завтрашнем дне.

Вражеская канонада грохотала до двух часов ночи, а уже в три часа утра адмиралу донесли, что наблюдателями со Второго бастиона замечено в передовых траншеях врага большое скопление солдат. Едва это стало известно, как Нахимов направился на Малахов курган, откуда собрался лично руководить всей обороной, несмотря на все уговоры Ардатова.

– Если я начальник гарнизона, то мне лучше знать, где находится, Михаил Павлович, – резонно возразил он графу, и тот не посмел ему перечить.

Сам Ардатов направился на Третий бастион. Он оставил в штабе обороны генерала Хрулева, на которого было возложено командование резервами обороны. Эти запасы должны были быть использованы в самом крайнем случае и без права на ошибку. Оставляя на резервах Хрулева, Ардатов сознательно вверил их в руки молодого генерала, который горел желанием реабилитироваться за оставление Камчатского люнета.

Всю ночь на Малаховом кургане саперы под руководством Тотлебена спешно исправляли повреждения и возводили новые барбетты для картечных орудий, правильно угадав направле-

ние вражеской атаки. По замыслу Пелисье, французы должны были атаковать с рассветом по сигналу осветительной ракеты, однако генерал Майран повел свою колонну в атаку на четверть часа раньше назначенного срока. Причиной этого послужило преждевременное обнаружение русскими дозорами выдвижения передовых соединений правой штурмовой колонны французов.

Генерал Майран оказался перед трудной дилеммой: атаковать сейчас или дожидаться назначенного командующим срока. Опасение, что поднявшие тревогу русские успеют приготовиться и встретят французов во всеоружии, заставило Майрана выбрать первый вариант. Решив использовать остатки предрассветной тьмы, вопреки приказу Пелисье, генерал двинул свои войска на позиции Первого и Второго бастионов.

За считанные мгновения пространство в шестьсот шагов, отделяющее русские бастионы от французских траншей, стало стремительно заполняться огромной темной массой людей, гортанно кричащих: «Вив император!» Офицеры с обнаженными саблями и солдаты со стальными штыками подобно океанской волне устремились на русские укрепления, и казалось, не было в мире силы, способной остановить их порыв. Однако такая сила нашлась. Французы еще не успели пробежать первую сотню шагов, как по ним дружно ударили картечью пушки, которые, по мнению Пелисье, должны были молчать. Вслед за ними загрохотали пушки парохода «Владимир» под командованием капитана второго ранга Бутакова, и к ним присоединились орудия «Херсонеса», «Бессарабии» и других судов. Их бомбы и ядра наносили серьезный ущерб плотной людской массе, которая, несмотря ни на что, продолжала приближаться к русским бастионам.

Двести, сто пятьдесят, сто тридцать шагов оставалось французам до их цели, когда перед ними неожиданно появилось новое препятствие в виде волчьих ям. Неся серьезные потери от русской шрапнели, французы стремились как можно скорее проскочить открытое пространство и скрестить свои штыки с русскими штыками, но коварные ловушки заставили их замедлить бег и остановиться. Именно в этот момент со Второго бастиона ударили русские стрелки, вооруженные исключительно штуцерами. Командир бастиона полковник Жерве специально создал две роты этих стрелков, которые были лучшими мастерами ружейной стрельбы.

Миг, и бастион буквально взорвался огненным поясом, ставшим губительным для французов. Многие из офицеров, ведущих своих солдат в атаку, были убиты или ранены. Погибли полковник Будвиль и Мальгер, но самое главное – был смертельно ранен сам генерал Майран. С простреленной грудью он рухнул на руки адъютантов и скончался прежде, чем был доставлен во французские окопы.

Лишенные руководства французские солдаты замешкались перед бастионными рвами и были немедленно сметены залпами русской картечи с фронта и взрывами корабельных бомб с правого фланга. Все это было подкреплено мощными оружейными залпами русских стрелков, чьи гладкоствольные ружья уже могли свободно бить врага.

Подвергнувшись столь сильному огневому воздействию, французские стрелки заколебались и разделились. Большая часть стала отходить назад, тогда как другие соединения решили продолжить атаку. Солдаты второй роты полка гвардейских стрелков достигли рва Второго бастиона и, приставив лестницы, стали взбираться на контрэскарп. Камни и пули, летящие на них сверху, не смогли остановить французских храбрецов, и они ворвались на куртины бастиона, но дальше продвинуться не смогли. Русские солдаты Якутского и Селенгинского полков встретили их в штыки и после яростной схватки сбросили в ров, а затем добили ружейными выстрелами.

Когда генерал Пелисье прибыл на Ланкастерскую батарею, откуда он обычно руководил боем, то увидел ужасную картину – солдаты колонны Майрана отступали под русским огнем. Разразившись проклятиями на голову неудачника Майрана, он немедленно двинул из резерва четыре гвардейских батальона и приказал генералу Мелине остановить отступающих солдат

и вновь повторить атаку на русские бастионы. Одновременно с этим генерал приказал дать сигнал двум другим штурмовым колоннам к общей атаке на врага.

Мелине сделал все, что только мог. Чрезвычайными мерами он не только остановил отступление потрепанной колонны Майрана, но и смог увлечь их в новую атаку. Перемешанные ряды французских солдат медленно двинулись в новую атаку на бастионы, неся сильные потери от русского огня.

На помощь Первому и Второму бастионам пришли не только орудия парашютов, но и пушки батарей Северной стороны Севастополя. Бомбы, ядра, картечь и ружейные залпы выбивали все большее и большее число жертв из плотной атакующей людской массы, щедро устилая окровавленными телами подступы к бастионам. Огонь защитников Севастополя был столь силен и беспощаден, что, не дойдя ста шагов до бастионных рвов, французы побросали свои штурмовые лестницы и в панике стали отступать.

Положение войск генерала Брюне было несколько лучше, чем положение солдат Майрана. Им предстояло пройти по открытому пространству всего четыреста метров и взять Малахов курган. В распоряжении Брюне были лучшие зуавские батальоны, взятые для штурма командующим из корпуса генерала Боске. Именно на колонну Брюне возлагал свои главные надежды генерал Пелисье, видевший в Малаховом кургане главную точку всей обороны русских.

По сигналу белой ракеты алжирские стрелки дружно покинули свои передние траншеи. Их красные штаны и синие куртки моментально перекрасили зеленые севастопольские склоны, быстро приближаясь к русским укреплениям.

Защитники Малахова кургана дали им пройти всего метров пятьдесят, после чего открыли шквальный огонь из пушек и полевых картечных, установленных на Корниловском бастионе прошлой ночью. Доведенная по приказу адмирала Нахимова до максимально разумного числа стволов артиллерия Малахова кургана пожинала свою ужасную жатву.

Одновременно с ними по наступающим цепям неприятеля открыли огонь орудия Третьего бастиона, желая грамотно использовать свое выгодное положение и оказать помощь своим боевым товарищам. Бомбы бастиона заметно снизили проворство зуавов, которые сразу замедлили свой шаг, получив чувствительный удар во фланг.

Так же как и для гвардейцев Майрана, для алжирских стрелков стало большой неожиданностью обнаружение волчьих ям, в большом количестве вырытых русскими саперами перед своими позициями. Здесь их было сделано по приказу Тотлебена больше всего, и потому французские зуавы были вынуждены полностью остановиться из-за опасения оказаться на остром колу.

Эта остановка сыграла трагическую роль во французской атаке, поскольку русские стрелки открыли кинжальный огонь, поражая несчастных зуавов выстрелами из штуцеров и гладкоствольных ружей. Потери от этого огня были столь ужасны, что, не доходя ста метров до рва бастиона, французы были вынуждены залечь на землю. Напрасно офицеры бегали среди солдат и пытались поднять их в новую атаку, указывая, что цель уже совсем близка и до победы осталось рукой подать. Зуавы только поднимались с земли и вновь падали от каждого нового оружейного залпа или выстрела пушки.

Стремясь переломить ситуацию, генерал Брюне решил личным примером повести зуавов в атаку. Обнажив шпагу, с призывным криком «Вив император!» он бросился вперед, указывая рукой на крутизну Малахового кургана. Пристыженные алжирцы стали быстро подниматься вслед за своим командиром, но в этот момент выпущенное из пушки ядро поразило генерала Брюне, пробило ему грудь навылет и отбросило несчастного француза далеко в сторону.

– Генерал убит! Брюне погиб! – пронеслось по рядам атакующих солдат. Уже никакая сила не смогла заставить их идти на штурм русского бастиона.

Колонна генерала Отмара оказалась более везучей из всех своих соседей по наступлению. До батареи Жерве, расположенной между Малаховым курганом и Третьим бастионом, французам предстояло пройти чуть более ста пятидесяти метров, что сразу увеличивало шансы атакующих почти вдвое. И пусть войска после сигнала ракетой выдвигались на атаку не очень охотно, пусть французские ряды несли большие потери от флангового огня с Малахова кургана и Третьего бастиона, пусть ружейный огонь защитников был убийствен, но алжирские стрелки все же достигли батарейной высоты. Попирая ногами павших и безжалостно давя своих раненых, зуавы с разбегу преодолели небольшой вал и ворвались на русскую батарею.

Удача любит храбрых. В этот день на батарее Жерве было всего триста человек Полтавского полка под командованием капитана Горна, стрелки которого не смогли остановить противника своим ружейным огнем. Преодолев отчаянное сопротивление полтавцев, зуавы смогли захватить часть батареи, и через эту брешь в русский тыл хлынул линейный батальон французов под командованием полковника Гарнье.

Оттеснив храбрецов капитана Горна, засевших на левом фасе батареи, Гарнье смело повел своих солдат в тыл передовых русских укреплений, намереваясь внезапным ударом захватить Малахов курган или Третий бастион. Ближе всех к французам был бастион Корнилова, и помня, какое значение придавал Пелисье этой русской твердыне, полковник без колебаний повел своих солдат в атаку на знаменитый курган. Все складывалось как нельзя лучше. Еще один бросок, и вражеский бастион будет взят ударом с тыла, но воинское счастье бывает очень переменчивым, что полковник Гарнье полностью почувствовал на себе.

Едва только французы продвинулись вперед по западному склону кургана, как выяснилось, что они полностью отрезаны от своих основных сил. Картечный огонь пушек с Малахова кургана, а также шесть полевых орудий, находившихся в распоряжении капитана Горна, остановили идущих вслед за Гарнье солдат бригады генерала Ниоля, заставив их отступить обратно в траншеи. Сам же Гарнье был вынужден засесть в полуразрушенных домиках на склоне Малахова кургана, откуда его солдаты открыли яростный огонь по защитникам Корниловского бастиона. Удар в этот момент французы свежими силами, и участь Севастополя была бы решена. Но, не зная о судьбе батальона полковника Гарнье, генерал Отмар не предпринял ничего для повторной атаки на батарею Жерве. Гонец к генералу Пелисье был послан им с известием о полной неудаче предпринятой Отмаром атаки.

В этот момент настоящим героем проявил себя Степан Александрович Хрулев. Не дожидаясь приказа Нахимова, он сразу придвинул резервные батальоны к подступам Второго бастиона и Малахова кургана на случай возможного прорыва врага за линию обороны. Больше всего генерал Хрулев опасался за промежуток между Вторым бастионом и Малаховым курганом и именно там сосредоточил главные силы резерва в виде двух полков. Когда Хрулеву донесли о захвате батареи Жерве и прорыве французов в русский тыл, в распоряжении генерала была только одна рота Севского полка под командованием штабс-капитана Островского. Силы были неравные, но все решали буквально минуты, и потому, не дожидаясь подхода резервов, Хрулев лично повел солдат в атаку на прорвавшегося врага.

Тем временем полковник Гарнье, посылая генералу Отмару одного гонца за другим, требовал срочно прислать подкрепление. «Если немедленно не будет прислано подкрепление, меня раздавят», – писал он в записках, отправляемых с унтер-офицерами. Трое гонцов были убиты русскими. Только четвертому удалось благополучно добраться до батареи Жерве, а затем короткими перебежками к своим траншеям.

В распоряжении Хрулева было мало времени, и он полностью использовал выпавший ему шанс. Вместе с полтавцами капитана Горна Хрулев с двух сторон атаковал французов и после ожесточенной схватки ликвидировал вражескую угрозу. Под сильным ружейным огнем русские солдаты приблизились к домикам, а затем стали брать их приступом один за другим.

Некоторые солдаты залезали на крышу и, разобрав доски, уничтожали французов выстрелами и камнями. В плен были взяты всего около ста человек; все остальные были перебиты.

Как только отряд Гарнье был уничтожен, к Хрулеву подошли шесть рот Якутского полка, вместе с которыми он атаковал засевших на батарее Жерве зуавов, и полностью восстановил контроль над столь важным участком обороны.

Когда Отмар получил сообщение Гарнье, он немедленно послал бригаду Ниоля в новую атаку, но фортуна полностью отвернулась от французов. Еще дважды они пытались вернуть свой контроль над батареей Жерве и каждый раз были вынуждены отступать, неся большие потери от ее защитников. Пополненный ротами подполковника Новашина, гарнизон батареи уничтожал ружейным огнем всех, кого миновала картечь и ядра русских бастионов.

Генерал Керн, сменивший погибшего Брюне, по приказу Пелисье вновь атаковал Малахов курган, но так же, как и в первый раз, зуавы не дошли до бастионного рва и повернули обратно, не выдержав плотного оружейного огня и залпов картечи.

Что касается англичан, то лорд Реглан остался верен себе и двинул английские штурмовые колонны на Третий бастион гораздо позже, чем пошли в атаку французы. Возможно, лорд этим маневром хотел сохранить численность своих соотечественников в этом жарком сражении, но аристократическая хитрость вышла сынам Альбиона боком.

Удержав английские войска от одномоментного выступления с французами, британский фельдмаршал только сыграл на руку русским, чьи пушки с Третьего бастиона громили картечью колонну Отмара, безуспешно штурмующую батарею Жерве. Увидев, что французы терпят бедствие, Реглан запоздало отдал приказ об атаке, но британское наступление уже утратило всякий смысл. Двум английским штурмовым колоннам нужно было пройти по открытой местности около четырехсот шагов под непрерывным огнем русских, давно поджидавших нападения врага. Англичане двигались не ровным строем, а штурмовыми колоннами, но это им мало помогло. Русские артиллеристы открыли огонь сразу, как только британцы покинули свои траншеи, и каждый картечный залп орудий Третьего бастиона образовывал брешь в рядах наступающих. Устилая свой путь телами, англичане прорвались к бастионным засекам и принялись разрушать их.

Шедшие впереди охотники со штуцерами успели дать прицельный выстрел по русским позициям, но ответный залп картечи обратил в бегство всю передовую часть британских штурмовых колонн. Не выдержав огневого испытания, бледные сыны Альбиона отхлынули назад, но были остановлены генералом Кэмпбеллом, командиром колонны, атакующей Третий бастион. Громкий голос генерала, яростно потрясавшего саблей над головой, быстро остановил храбрых британцев, и они вновь бросились на штурм русских позиций. В это время на Третьем бастионе было очень напряженное положение. От штуцерной пули погиб полковник Будищев, до этого момента блестяще руководивший обстрелом французов, штурмующих батарею Жерве, благодаря чьей картечи бригада Ниоля не смогла поддержать успех батальона полковника Гарнье.

Смерть командира вызвала замешательство среди защитников бастиона, но присутствующий там граф Ардагов моментально пресек опасные колебания в солдатских душах.

– Смотри веселей, ребята! – громко крикнул Михаил Павлович, стремясь приободрить солдат. – Сейчас сполна рассчитаемся и за Альму, и за Балаклаву, и за Инкерман! За нами верх сегодня будет, соколики дивные! Вы только цельтесь вернее да смотрите злее!

Воодушевленные призывами Ардагова и его уверенным поведением, защитники бастиона сразу приободрились и с жадным азартом грядущего боя ждали приближения врага.

Англичане не заставили себя долго ждать. Подбадривая друг друга громкими криками, прославляющими королеву Викторию и лорда Пальмерстона, они вновь приблизились к бастионным засекам и принялись яростно крушить деревянные заграждения, мешающие им подойти к Большому редану.

Пока солдаты расчищали себе дорогу, штуцерные охотники вновь изготовились, чтобы произвести залп по бастиону с близкого расстояния, но на этот раз русские опередили их. По команде графа Ардатова огненный пояс в одно мгновение окутал передовые фасы бастиона, нанеся сильный ущерб вражеским солдатам, скопившимся перед бастионом. Множество убитых и раненых англичан рухнули на сухую севастьяпольскую землю, дабы напоить ее своею горячей кровью. В их числе был командир штурмовой колонны генерал Кэмпбелл, получивший смертельную рану в грудь, а также его помощник лорд Уэст, которому вражеская пуля перебила ногу выше колена.

Однако как ни силен был ущерб от русского огня, британские стрелки все же дали ответный залп, но его эффективность была гораздо ниже стрельбы противника. Расположившись за земляными укрытиями, русские стрелки и артиллеристы не несли тех ужасных потерь от штуцерного огня противника, как раньше. Спокойно перезарядив ружья и пушки, они вновь принялись поражать стоявших на открытой местности англичан.

Уже ставшей привычной для воюющих сторон тактика в этом бою поменялась с точностью до наоборот. Сегодня британцы для того, чтобы одержать победу, стремились навязать противнику штыковой бой, а русские стрелки исправно проверяли их стойкость с помощью свинцовых грузил. Выстрелы с бастиона раздавались с неослабевающей силой, наглядно подтверждая слова графа о скорой расплате за Альму и прочие сражения, в которых русские полки понесли большие утраты от штуцерного огня.

Сам граф тем временем перебежал от одного участка обороны к другому, радостно хлопал по плечам стрелков и сыпал прибаутками.

– Вы бы пригнулись, ваше превосходительство! – кричали ему в ответ стрелки. – Не ровен час, подстрелит шальная пуля, как полковника Будищева!

– Не бойсь, сынки! Я от пуль берегом заговоренный! – шутил в ответ Ардастов, и в этих словах была доля правды.

Перед самым отъездом из Петербурга он получил от государыни императрицы небольшой золотой медальон с образом святой Софии. Шарлотта сама повесила его на грудь Михаилу Павловичу и сказала, что пока он будет у Ардатова, ни одна пуля не коснется его тела. Вышучивая свою смерть на стенах бастиона, граф пытался тем самым отогнать от себя дурные воспоминания, связанные с этим прощанием. Впервые за все время их знакомства императрица позволила себе заплакать при расставании с графом, так как видела дурной сон.

– А ну, вдарьте по ним, соколики, так, чтоб они по морю домой побежали! – подбадривал Ардастов защитников бастиона, и те вдарили не раз и не два.

Англичане, впрочем, были не из робкого десятка и, демонстрируя презрение к смерти и любовь к королеве, продолжали разрушать русские заграждения под губительным огнем защитников бастиона. Заплатив неимоверно высокую цену за свое упорство, штурмовые батальоны все же смогли подойти к последнему препятствию на своем пути – бастионному рву.

Уже вперед бросились специальные носильщики штурмовых лестниц, которые волокли свою тяжелую ношу от самых траншей. И тут неожиданно выяснилось, что ширина рва гораздо больше, чем того ожидали англичане. Пораженные столь ужасным открытием, они беспомощно столпились перед самым краем рва, торопливо определяя свои дальнейшие действия.

Эта заминка оказалась роковой для англичан, по которым со стен бастиона ударил залп чудовищной силы. Во врага стреляли все: и артиллеристы, и стрелки, и даже офицеры из своих пистолетов. Безжалостный свинцовый ветер прошелся по рядам англичан. Побросав штурмовые лестницы, они дружно побежали обратно, проклиная все и всех, а в особенности своего фельдмаршала, лорда Реглана.

Та же судьба постигла и вторую британскую колонну под командованием генерала Эйра. В отличие от колонны Кэмпбелла, они наступали в промежутке между Третьим и Четвертым бастионами русских, стремясь выйти на Пересыпь. В этом месте русской обороны рвов не было,

и штурмовые лестницы англичанам были не нужны. Казалось, уж здесь-то господам британцам должна была сопутствовать удача, но перекрестный огонь с бастионов и ружейный огонь защитников Пересыпи остановил врага. Тут шквал огня был таков, что даже самые упорные не смогли бы пройти то открытое пространство, которое разделяло их от русских укреплений. Известный своей храбростью полковник Хиббери, сменивший смертельно раненого в голову генерала Эйра, вынужден был повернуть обратно со своими солдатами от этой бури картечи.

Некоторые смельчаки все же смогли достичь брустверов Садовой батареи, как англичане называли укрепление Пересыпи. Но их число было столь мало, что ни о каком штурме не могло быть и речи. Британцам ничего не оставалось, как низко опустить голову и бежать в сторону своих траншей, продолжая нести потери от выстрелов в спину. Так закончился этот день в истории обороны Севастополя, который стал новым Ватерлоо не только для французов, но и для англичан.

Император Николай щедро наградил всех участников этого боя, который позволил вновь заблестеть славе русского оружия серьезно померкшей от неудач прошлого лета. Адмирал Нахимов был пожалован орденом святого Владимира первой степени, генералу Хрулеву и князю Урусову, командиру Второго бастиона, были пожалованы ордена святого Владимира второй степени. Князь Васильчиков и полковник Тотлебен, которого император произвел в генералы, получили ордена святого Георгия третьей степени. Также орден Георгия третьей степени и производство в генерала от инфантерии получил граф Ардатов за оборону Третьего бастиона.

Сам Ардатов полностью сдержал данное генералу Горчакову слово и направил государю письмо с просьбой отметить главнокомандующего Крымской армией. За удачное командование гарнизоном Севастополя Горчаков получил золотую табакерку с императорским вензелем и орден Белого орла, что сильно расположило Михаила Дмитриевича к царскому посланнику.

В стане врага же царили хаос и уныние. Генерал Пелисье обвинял во всех неудачах штурма покойных генералов Брюне и Майрана, а также лорда Реглана. Нисколько не стесняясь последствий, он публично объявил, что если бы оба генерала остались живы, то обязательно предстали бы перед военно-полевым судом.

Столь гневная оценка действий генерала Брюне вызвала открытый ропот среди французских генералов. Если покойному Майрану можно было поставить в вину атаку раньше времени, то Брюне точно выполнил все приказы, полученные от командующего, и винить погибшего генерала было чистым кошунством. Все это было высказано Пелисье утром следующего дня, и тот был вынужден проглотить горький упрек в несправедливости, сказав, что степень вины генерала Брюне определит специальная комиссия. Эта стычка со своими генералами очень сильно взбесила «африканца», и он вылил весь свой могучий гнев на лорда Реглана, живого виновника неудачного штурма Севастополя.

Бедный фельдмаршал сильно боялся свидания с главнокомандующим коалиционными силами Европы, и не напрасно. Пелисье, лишенный какого-либо такта и уважения, устроил британскому фельдмаршалу такой уничижительный разнос, что от сильного расстройства Реглан сразу заболел и слег. Сильный стресс вызвал у британского лорда новое обострение дизентерии, что время от времени терзало его организм с момента высадки в Крым. В схватке с коварной инфекцией британский фельдмаршал героически продержался десять дней и скончался от сильного обезвоживания организма.

Когда в Севастополе стало известно о причине смерти лорда Реглана, то со стен русских бастионов в сторону врага понеслась издевательская песнь «Мальбрук в поход собрался». В ней солдаты и матросы хлестким и звучным языком описали смерть британского лорда от поносной болезни.

Кроме британского фельдмаршала кровавым поносом в лагере коалиции страдало много людей, но больше всех болели сардинцы, недавно прибывшие под Севастополь по приказу сво-

его короля. Еще не адаптировавшиеся к местным условиям, они быстро заполнили больничные места военных госпиталей. За короткий срок туда отправилось две тысячи итальянцев, многие из которых больше никогда не вернулись в ряды сардинского корпуса. Такое количество небоевых потерь вкупе с неудачным штурмом русских позиций крайне негативно действовало на сардинцев, чем свело к нулю их боевые качества. Видя это, генерал Пелисье решил использовать их только в качестве караульных и дозорных солдат.

Находясь в Петербурге, император Николай Павлович очень радовался успехам севастопольцев. Будь его воля, он уже давно был бы там, но призрак угрозы неприятельского десанта на столицу не давал царю покоя. Что бы ему ни говорили Ардатов и другие военачальники, уверявшие императора в том, что он сильно завышает возможности вражеского флота, Николай оставался непоколебим в своем намерении вместе со столицей выдержать испытание самым сильным флотом в мире.

Почти вся зарубежная разведка русских с напряженным вниманием следила за действиями британского и французского флота, который собирался этим летом взять реванш на Балтике, о чем очень много говорилось в Лондоне и Париже.

Первая Балтийская кампания 1854 года, потерпевшая полное фиаско, была очень чувствительным вопросом для правящих кругов Англии и Франции. Обе стороны, разумеется, сознавали, что «взятие Аландских островов» и пленение рыбацких финских и эстонских шхун представляют собой весьма скромные результаты для могущественной эскадры, несколько месяцев бороздившей акваторию Балтийского моря. Лондон и Париж усиленно готовились ко второй Балтийской кампании, стремясь извлечь уроки из прежних неудач и предотвратить новые.

Под флагом исправления былых ошибок англичане сместили адмирала Непира с поста командующего флотом коалиции, сделав его козлом отпущения. Вместо него был назначен вице-адмирал Ричард Дандас, имевший, по заверению Пальмерстона, самые лучшие рекомендации в английском флоте.

Подобные действия Лондона не произвели должного впечатления на французского императора. Выслушав речь британского посла, Наполеон саркастически фыркнул и выразил надежду, что в этот раз Британия делом подтвердит свой громкий титул владычицы морей.

Посол что-то попытался возразить в ответ, за что немедленно подвергся остракизму со стороны основателя Второй империи. Грозно топорща усы, Луи Наполеон стал гневно упрекать англичан в несправедливом разделении военного бремени в коалиции. Французы, по словам императора, полностью исполняют все взятые на себя обязательства. Они высадились в Крыму, дважды разбили армию князя Меншикова в сражении на суше и не сегодня-завтра возьмут Севастополь, что приведет к полному уничтожению русского флота на Черном море. Британцы же никак не могут сказать своего веского слова там, где у них всегда была пальма первенства, — на море. И все их обещания очистить Балтийское море от русских кораблей остаются пустыми словами. Если господа союзники не могут высадить десант на Петербург, пусть хоть этим летом уничтожат форты Кронштадта и сожгут русский флот на Балтике.

Получив столь мощный заряд критики, посол поспешил покинуть негостеприимные стены дворца Тюильри и сесть за составление срочной депеши в Лондон.

Обеспокоенный столь шумными упреками своего венценосного союзника, лорд Пальмерстон в специальном послании клятвенно заверил Наполеона, что Британия полностью выполнит свои союзные обязательства в Финском заливе. И в качестве подтверждения правоты своих слов он перечислил названия двадцати больших военных судов и канонерских лодок, которые были включены британским адмиралтейством в состав эскадры Дандаса. В то же самое время все лондонские газеты стали наперебой расхваливать «нового адмирала Нельсона», которому предстояло наглухо заколотить балтийское окно, некогда прорубленное Петром Великим.

Наполеон сдержанно оценил бравурные речи своих союзников и в помощь Дандасу направил свою эскадру в составе трех больших судов и одного корвета под командованием адмирала Пэно.

Как и было условлено, вся громадная армада кораблей коалиции встретилась у Аландских островов в первых числах июля, а уже шестого числа появилась под стенами Свеаборга. Причина, по которой адмирал Дандас выбрал эту русскую крепость в качестве боевой цели для своих кораблей, была на удивление проста.

Высадка десанта на побережье Финляндии, Эстляндии или в устье Луги отпала сразу, как только флоты коалиции встретились в Балтийском море. Выяснилось, что французский император категорически отказался давать для проведения операции свои сухопутные войска, которых у него было не столь много, как считал Лондон и хвастливо заявлял на весь мир Париж. Сами же британцы, по своей врожденной привычке загребать жар чужими руками, даже и не подумали посылать на Балтику собственную армию, которая также не могла похвастаться своей численностью.

Выразив друг другу свое разочарование по поводу нежелания брать на себя бремя проведения десантной операции, адмиралы приступили к выработке дальнейшей тактики похода. Следующей важной целью похода объединенной армады значился Кронштадт. Адмирал Пэно незамедлительно напомнил англичанам об обещании лорда Пальмерстона уничтожить это осиное гнездо русских, справедливо полагая, что уж здесь-то британцы будут играть первую скрипку. Однако и здесь было не все ладно. Адмирал Дандас заявил, что политики могут обещать все, что угодно, хоть луну с неба, но военные моряки должны отдавать себе отчет, что они могут сделать, а что нет.

Выяснилось, что форты Кронштадта, согласно докладам британских разведчиков, за последние восемь месяцев претерпели основательную перестройку, были хорошо укреплены и пополнились новыми дальнобойными орудиями. Царь Николай лично контролировал все изменения в главной морской базе страны, отдавая Кронштадту все самое лучшее, чем располагала на данный момент русская армия.

Конечно, число и калибр кронштадтских батарей не могли заставить корабли королевского флота повернуть назад, но все упиралось в ту цену, которую предстояло заплатить за уничтожение Кронштадта.

К морской крепости русских можно было подойти с двух сторон. Наиболее удобным и безопасным являлся южный путь. Там не было опасных мелей и подводных скал, и его глубина позволяла свободно пройти большим кораблям коалиции. Однако именно здесь были сосредоточены основные силы кронштадтской артиллерии, которая вкупе с главными калибрами флота нанесла бы значительный урон вражеским кораблям, атакующим морскую крепость.

Северный путь, на котором было множество мелей и подводных камней, был к тому же гораздо уже, чем южный. По нему могли пройти лишь суда с мелкой осадкой, при этом двигаясь медленным гуськом и подставляя свои бока русским пушкам.

Кроме того, подходы к Кронштадту были основательно завалены морскими минами Якоби, с которыми союзники уже имели счастье познакомиться при высадке в Евпаторию. О том, что эти мины охраняют подступы к русской морской базе, говорили не только доклады шпионов. Адмирал Пэно потерял два малых корабля британской эскадры, когда проводил разведку южного подхода к Кронштадту.

Конечно, русские мины были реальной опасностью для кораблей коалиции, но, положив руку на сердце, для адмиралов они были лишь благоприятным предложением, чтобы отказаться от нападения на Кронштадт.

Поэтому в качестве объекта нападения был выбран Свеаборг. Здесь не было коварных мин, дальнобойной артиллерии и кораблей русского флота. Правда, за последнее время русские успели возвести несколько дополнительных батарей, но их число никак не могло тягаться с

мощью союзного флота, ведь к финским берегам адмирал Дандас привел двадцать три больших парусных корабля, шестнадцать канонерских лодок и шестнадцать мортирных судов. Этого, по мнению адмирала, вполне хватало, чтобы стереть в порошок любую морскую крепость. Кроме того, падение Свеаборга, по замыслу британской стороны, могло наконец-то подтолкнуть медлительных финнов к восстанию против русских, что являлось заветной мечтой лорда Пальмерстона.

Одним словом, участь Свеаборга была предрешена заранее, что наводило радостное настроение как на экипажи судов, так и на газетных репортеров, специально отправившихся в поход, чтобы правдиво освещать деяния флота коалиции.

Дело в том, что на страницах некоторых парижских и лондонских газет неожиданно появились материалы, описывающие действия союзных кораблей при набеге на Одессу и Архангельск с весьма нелицеприятной стороны. Разразился большой скандал, который официальным властям с большим трудом удалось замять. Вот почему газетчики были взяты на борт как британскими, так и французскими судами.

Дабы не создавать излишнюю толчею своих кораблей при штурме русской крепости, Дандас решил направить против врага только часть своих сил. Флот, подошедший к Свеаборгу 6 июля, имел в своем составе десять линейных кораблей, семь парусных фрегатов, семь паровых фрегатов, два корвета, один бриг, четыре плавучие батареи, а также шестнадцать мортирных судов, двадцать пять канонерских лодок, две яхты и три транспорта. Остальной флот под командованием контрадмирала Бейниса курировал возле Кронштадта в ожидании возможного выхода в море русского флота.

Когда грозный строй парусов вражеских кораблей приблизился к Свеаборгской бухте, то там союзников ждало сильное разочарование.

– Черт возьми! – вскричал адмирал Дандас, рассматривая в подзорную трубу финские берега. – Они понастроили батарей, где только могли! Теперь нам не удастся просто так ворваться в гавань!

Действительно, там, где год назад были голые камни и пустая земля, теперь располагались новые батареи, протянувшиеся длинной цепью к востоку и югу. Ожидая прихода врага, император Николай позаботился не только об одном Кронштадте, но и о Свеаборге и Гельсингфорсе.

Желая увеличить свои силы в предстоящей дуэли с крепостными пушками, союзники решили высадиться на одном из пустынных островов вблизи Свеаборгской крепости и установить там пушечную батарею. Нисколько не боясь противодействия со стороны русских, французы высадили десант на остров и, соорудив укрытие из мешков с землей, стали возводить батарею. На это был потрачен весь день, благодаря чему гарнизон Свеаборга успел приготовиться к нападению врага.

Финляндский генерал-губернатор Берг, находившийся в это время в Свеаборге, решил лично возглавить оборону города, одновременно послав в Петербург гонца с известием о приходе врага.

После короткого совещания Дандас и Пэнно решили атаковать русских по следующей диспозиции. В центре своей атаки они расположили французские бомбарды, канонерские лодки и плавучие мортирные батареи. По правому флангу великой армады против батарей на Сандгаме должны были действовать корабли «Гастингс», «Корнуоллис» и фрегат «Амфион», тогда как на левом фланге противостоять орудиям батареи острова Друмс было поручено пароходам «Козак», «Круйзер» и фрегату «Аррогант». Все остальные линейные суда выводились далеко в море и образовывали вторую линию построения, которая находилась вне зоны поражения крепостных орудий.

Союзники атаковали Свеаборг 8 июля ровно в 8 часов утра. На батареи крепости, на форты Вестер-Сворт и Лонгерн обрушился огненный шквал ядер и бомб, который подобно

чудовищному молоту бил по русским укреплениям с ужасающей ритмичностью. Любому наблюдателю со стороны показалось бы, что от такого огня, сила которого раз за разом только нарастала, на переднем крае русской обороны давно все должно было погибнуть. Однако русские солдаты, вопреки всем расчетам и здравому смыслу, не только не гибли, но и еще умудрялись вести ответный огонь по кораблям противника.

Именно от их огня британская мортирная батарея, обстреливающая центральные позиции Свеаборга, вдруг стала резко оседать на нос, а затем перевернулась. Крик радости русских артиллеристов не был слышен из-за сильного грохота пушечной канонады, но сам факт гибели плавучей батареи вселил радость и надежду в сердца одних и неуверенность в души других.

Следующей радостью для защитников крепости было отбитие английского десанта, который пытался высадиться на остров Друмс с целью подавления находившихся там русских батарей. Засевшие в ложементх стрелки метким ружейным огнем заставили десантные баркасы повернуть обратно, нанеся англичанам большие потери. Так же свой вклад в отражении вражеского десанта внес русский линейный корабль «Иезекииль», который, удачно меняя галсы, то приближался, то отступал под огнем противника, не нанеся ему больших повреждений.

Совсем иное положение было у другого линейного корабля – «Россия», вынужденного стоять на месте и действовать против врага орудиями только одного борта. Множество ядер и бомб упало на русский корабль, и один из снарядов угодил в пороховой погреб. От этого попадания на корабле возник пожар, и «Россия» была на волоске от гибели, но отважные действия подпоручика Попова, бросившегося гасить пламя, спасли корабль и весь его экипаж.

Союзники без остановки бомбардировали Свеаборг, целясь в основном по русским фортам, имевшим каменные стены и крыши. Именно этим можно было объяснить то, что первые пожары на укреплениях Свеаборга возникли только через два часа яростного обстрела.

Все капониры и прочие каменные строения, построенные русскими, с честью выдержали вражеский экзамен. От попадания бомбы загорелся старый шведский склад, на котором хранился запас бомб. Огонь так быстро распространялся, что охрана склада не успела его погасить, и крепость потряс сильный взрыв, который привел к гибели шести нижних чинов.

Ободренные успехом союзные канониры с новой силой принялись обстреливать Свеаборг, но фортуна больше не была к ним благосклонна. Главные пороховые погреба крепости удалось отстоять, несмотря на сильнейший огонь с кораблей.

Вражеский флот тем временем сам понес серьезные потери: поле боя покинули две канонерки, получившие серьезные повреждения от огня русских батарей, погибла еще одна мортирная батарея, а линейный корабль «Мерлин» наскочил на подводный камень во время маневров.

В час дня союзники прекратили бомбардировку Свеаборга, но не отступили, а продолжали фланировать вдоль берега. Между Дандасом и Пэно произошел энергичный обмен мнениями, после чего неприятель возобновил обстрел, несколько изменив тактику.

Поняв, что орудия их кораблей не в состоянии нанести серьезный ущерб каменным строениям крепости, они решили перенести свой огонь на сам город, выбрав в качестве мишени большие городские здания, служившие великолепным ориентиром для прицеливания.

Одновременно с союзниками изменили свою тактику и русские. Они перестали стрелять по большим линейным кораблям, которые были вне досягаемости их пушек, и сосредоточили весь огонь на канонерках, мортирных бомбардах и плавучих батареях противника. Уже прицелившись вести прицельный огонь по ним русские артиллеристы быстро добились успехов. Их ядра и бомбы все чаще и чаще падали вокруг бортов вражеских судов, что заставляло экипажи противников маневрировать, и от этого эффективность огня кораблей сильно падала.

Под прикрытием двух французских бомбард англичане вновь попытались высадить десант на остров Друмс и вновь потерпели неудачу. Казалось, что французские мортиры полностью подавили на острове все огневые точки, основательно перепахав его вдоль и поперек

своими бомбами. Однако едва только десантные баркасы оказались в зоне ружейного огня, остров озарился множественными вспышками от залпов со стороны русских. Огонь был такой плотный, что британцы решили ретироваться подобиру-поздорову.

И вновь на помощь защитникам пришел линейный корабль «Иезекииль», от огня которого серьезно пострадала одна из французских бомбард. Попавшие в нее русские ядра нанесли серьезный урон орудийной прислуге, отчего судно сразу покинуло место боя и вышло далеко в море.

Во время нового обстрела британские корабли кроме ядер и бомб активно использовали зажигательные ракеты, которые вызвали в Свеаборге большое количество пожаров. При их тушении бок о бок мужественно боролись с огнем русские и финны, не обращая внимания на новые взрывы.

Бомбардировка Свеаборга продолжалась весь день и всю ночь с 8 на 9 июля, благо в это время солнце практически не заходило за горизонт. Выпустив по городу огромное количество бомб и ракет, союзники решили, что Свеаборг уничтожен, и с раннего утра 9 июля стали упорно бить по укреплению Стуре-Остерсварте.

Огонь линейных кораблей для каменных построек острова был совершенно безвреден, но вот французские мортирные бомбарды нанесли куда больший ущерб. От огня их пушек в укреплении вспыхнули пожары, охватившие портовые здания со всеми постройками и складами.

Одновременно страшная опасность нависла над Густав-Сверде. Приблизившаяся к русским укреплениям мортирная батарея британцев вызвала сильный пожар на крыше капонира, который грозился в любой момент проникнуть внутрь укрепления и полностью уничтожить его. Погибни укрепление Густав-Сверде, и к Свеаборгу смогли бы подойти линейные корабли британского флота, с особой тщательностью оберегаемые адмиралом Дандасом.

Поддерживая действия своей батареи, британцы в третий раз направили на остров Друмс свой десант, теперь в гораздо большем количестве. Наступил самый важный момент в сражении за Свеаборг, где любая мелочь или случайность могла иметь для защитников роковое последствие. Казалось, что у истерзанной суточным обстрелом крепости уже нет сил для оказания сопротивления врагу, но русский гарнизон в который раз проявил чудеса смелости и храбрости.

Как ни был силен огонь с британских мортирных батарей и французских бомбард, но защитники Друмса своими меткими выстрелами вновь заставили врага повернуть баркасы обратно. Вслед за этим отважными действиями гарнизона Густав-Сверде пожар был полностью потушен, и батареи капонира продолжали закрывать дорогу британскому флоту в гавань Свеаборга.

Артиллерийская канонада продолжалась весь день и всю ночь. Еще две канонерки врага были вынуждены покинуть поле боя, погибли еще две британские мортирные батареи. От возникшего на борту пожара полностью выгорела французская бомбарда, серьезные повреждения получили союзные фрегаты и пароходы. Однако враг не собирался покидать поле боя без захвата Свеаборга или хотя бы уничтожения русских укреплений.

По приказу британского адмирала бомбардировка непокоренной крепости продолжалась всю световую ночь и утро третьего дня. Дандас был точно уверен, что сегодня он добьется желанной победы и британский флаг будет развеиваться над руинами Свеаборга. Ради этого адмирал был готов полностью опустошить пороховые погреба своей армады.

Приказ командира был принят к исполнению, и утомившиеся от непрерывного труда канониры продолжили бомбардировку противника. Прошло сорок пять часов с момента начала обстрела, когда Дандас получил коварный удар в спину оттуда, откуда совершенно не предполагал. Неожиданно огневая сила британских кораблей стала резко падать, что вызвало страшный адмиральский гнев. В срочном порядке были запрошены суда, и вскоре выяснилось,

что большинство мортир и бомбард союзников просто не выдержали непрерывной огневой нагрузки и вышли из строя. Дандас неистовствовал на капитанском мостике своего флагмана, но факт был налицо: британский адмирал остался без артиллерии в самый важный момент.

Произошел быстрый обмен мнениями с контрадмиралом Пэно, который предложил британцу прекратить обстрел Свеаборга, дабы полностью не лишиться всех крупных орудий эскадры. Дандас не долго пребывал в раздумье, и вскоре по эскадре был отдан приказ о прекращении огня.

Весь день 10 июля союзная эскадра провела возле Свеаборга в ожидании, когда французы демонтируют свою мортирную батарею на финском острове. При этом отдельные суда продолжали обстреливать остров Друмс, доставивший союзниками столько много разочарований. К огромной радости британцев, на острове вспыхнул большой пожар, и, ликуя от свершившейся мести, союзная армада глубокой ночью покинула воды Свеаборга, держа курс на Копенгаген.

Делая хорошую мину при плохой игре и стремясь оправдать огромный расход боеприпасов, адмирал Дандас торжественно объявил журналистам, что Свеаборга больше нет. Эта новость продержалась ровно четыре дня, когда несносный телеграф принес в Лондон некоторое уточнение слов адмирала. Оказалось, что сильно пострадал сам город, тогда как русские укрепления полностью целы и общая численность русских потерь составляет пятьдесят четыре человека убитыми и сто десять ранеными.

Эти дополнения произвели эффект разорвавшейся бомбы. Сразу возник вопрос, на что же были потрачены сорок пять миллионов фунтов стерлингов, направленные на подготовку этого похода. Газеты подняли страшный шум, и участь адмирала Дандаса была решена. Он вслед за Непером ушел в отставку.

Русские крепости на Балтике с честью выдержали суровое испытание. Петербург мог спать спокойно. Теперь император мог с чистым сердцем начать переброску на юг воинских соединений двухсотсорокатысячной армии, стянутой по его приказу к Петербургу на случай высадки вражеского десанта.

Глава IV. На суше и на море

Когда Михаил Павлович Ардатов после трехнедельного отсутствия прибыл в Бахчисарай, командующий Крымской армией генерал Горчаков находился перед сложной дилеммой. С одной стороны, Михаил Дмитриевич был очень доволен той щедростью, с которой государь наградил его за удачное руководство войсками при отражении штурма Севастополя, но с другой стороны, генерал страстно хотел снять с себя груз ответственности за затянувшуюся оборону черноморской твердыни. Уж слишком хлопотной она была, да еще при том малом количестве войска, что находилось в подчинении у Михаила Дмитриевича.

Пока Ардатов находился в ставке командующего, генерал склонялся к одному решению по поводу судьбы города. Однако стоило графу покинуть Бахчисарай по своим секретным делам, как настроение Горчакова изменилось, что грозило сдачей врагу многострадального города.

Ровно через три дня после отражения вражеского штурма, во время обыденного осмотра батарей передней линии обороны, пулей в ногу был ранен генерал-майор Тотлебен. Не желая покидать Севастополь, молодой генерал сумел уговорить хирурга Пирогова не отправлять его в Симферополь, а начать лечение раны на месте. Медик поначалу не соглашался, но в конце концов уступил Тотлебену, на энтузиазме которого держалась вся оборона города.

Благодаря врачебному искусству великого хирурга Тотлебен быстро пошел на поправку, однако вскоре генерал нарушил предписанный ему режим и самовольно выехал на передний край обороны. Обычно вражеские бомбы непонятным образом щадили настырного немца, ежедневно сновавшего по севастопольским батареям и бастионам, но здесь, видимо, вмешалась судьба. Не успел Тотлебен приступить к осмотру батареи на Пересыпи, как упавшая на бруствер вражеская бомба сильно контузила инженера, попутно наградив множеством осколков в спину.

Тотлебена, потерявшего сознание от боли, срочно доставили в госпиталь к Пирогову, вердикт которого был категоричен: немедленная отправка в тыл. Изнывая от жгучей боли, Тотлебен пытался спорить с хирургом, но тот был неумолим, и через час, на тряской крестьянской телеге раненого отправили в Симферополь на излечение. Так Севастополь потерял своего героя, а адмирал Нахимов – верного товарища и единомышленника. Лишившись помощи и присутствия Тотлебена, Павел Степанович сразу загрустил. Все чаще и чаще вспоминал он своих боевых товарищей, адмиралов Корнилова и Истомина, погибших ранее на севастопольских бастионах и похороненных во Владимирском соборе вместе с их общим учителем, адмиралом Лазаревым.

– Опередили они меня, уйдя на покой к Андрею Петровичу! – горестно говорил адмирал, приводя окружающих в замешательство своим ипохондрическим настроением.

Не прибавлял радости адмиралу и вид родных кораблей, обреченно стоявших в Севастопольской бухте и покорно ждущих своей дальнейшей судьбы. Из-за всех этих обстоятельств Нахимов при своих ежедневных посещениях передовой стал проявлять ненужную браваду. Защитники бастионов в один голос умоляли Павла Степановича поберечь себя и не подставляться под вражеские пули и бомбы, но адмирал оставался глух к просьбам окружающих. Держа в руках подзорную трубу, он неторопливо вышагивал по переднему краю обороны в черном мундире с золотыми эполетами на плечах.

– Право слово, не стоит беспокоиться, господа. Стрелки они скверные, – говорил Нахимов офицерам, неторопливо наблюдая за осадными действиями врагов в подзорную трубу. – А вот то, что они закладывают новые параллели напротив наших позиций – это гораздо серьезней.

Говоря так, адмирал был абсолютно прав. Получив от русских удар по своему «африканскому» самолюбию, Пелисье решил взять Севастополь во что бы то ни стало. Проанализировав провал наступления, французский генерал пришел к выводу, что главной причиной всех неудач было слишком большое расстояние от передовых траншей союзников до русских позиций. Именно благодаря ему русские комендоры смогли основательно сократить численность штурмовых колонн до того, как они достигли русских позиций.

С этого момента французские и английские саперы под покровом ночи стали регулярно закладывать все новые и новые параллели перед русскими позициями. Севастопольцы пытались помешать планам врага своими ночными вылазками, однако их действия были малоэффективны. Утвердившись в правоте своей идеи, Пелисье был непреклонен в решении не дать русским артиллеристам возможности вести убийственный огонь по наступающей пехоте коалиции. Подобно Нахимову, он следил за ходом саперных работ, радостно наблюдая, как неотвратимо сокращается тактическое преимущество русской обороны.

Однажды, в последних числах июня, адмирал Нахимов совершал свой обычный обход бастионов Корабельной стороны. Вначале он посетил Четвертый бастион, по которому несколько дней подряд вели огонь осадные батареи неприятеля, затем побывал на Третьем бастионе и только после этого направился на Малахов курган.

Оставив по обыкновению свою маленькую свиту в укрытии, Нахимов в сопровождении капитан-лейтенанта Корна вышел на банкет и, облокотившись на бруствер, стал осматривать в подзорную трубу вражеские позиции. Его высокая сутулая фигура с золотыми эполетами была хорошо видна на фоне земляного бруствера, и вскоре вокруг Нахимова засвистели вражеские пули.

– Смотрите, господа французы новую параллель заложили, а там явно собираются устраивать новую батарею, – говорил он Корну.

– Ваше превосходительство, отойдите от бруствера! Ненароком зацепят! – умолял Корн адмирала, но тот упорно продолжал разглядывать изменения на переднем крае врага. Подзорная труба ярко поблескивала в лучах солнца, как бы показывая вражеским стрелкам, куда целиться. Несколько пуль ударили рядом с правым рукавом Нахимова, но это нисколько не оторвало его от опасного занятия.

– Сегодня они, однако, метче стреляют, – прокомментировал он Корну действия французских стрелков. – А что нового у них вот там?

Нахимов повернул голову вправо и медленно повел туда же медную трубу. Подзорная труба вновь мелькнула на солнце, и рядом с головой адмирала прогудели два свинцовых шмеля, но Нахимов вновь никак не среагировал, продолжая высматривать в окружающей панораме что-то очень важное для себя. В этот момент у Корна сдали нервы, и вопреки всякой субординации он резко окликнул адмирала по имени-отчеству. Удивленный Нахимов оторвался от трубы и, чуть разогнув спину, стал поворачиваться к своему адъютанту, и в это самое мгновение адмирала сразила вражеская пуля. Он коротко вскрикнул и, выронив подзорную трубу, стал медленно оседать на землю. Корн едва успел подхватить бесчувственное тело Нахимова и с ужасом увидел, как закатились широко раскрытые глаза Павла Степановича. Капитан-лейтенант ощутил, как под его правой ладонью от горячей крови стал стремительно набухать воротничок адмиральского мундира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.